

ДЖЕННИ
ЛУНД МЭДСЕН

«САМЫЙ ОРИГИНАЛЬНЫЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН ГОДА».
— Politiken

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ
ТЬМЫ

ДЕБЮТНЫЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН ИЗВЕСТНОЙ
ДАТСКОЙ СЦЕНАРИСТКИ ДЖЕННИ ЛУНД МЭДСЕН В ЖАНРЕ
СКАНДИНАВСКИЙ НУАР — **ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Современная датская проза

Дженни Лунд Мэдсен
Тридцать дней тьмы

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

Мэдсен Д.

Тридцать дней тьмы / Д. Мэдсен — «Издательство АСТ»,
2020 — (Современная датская проза)

ISBN 978-5-271-48704-0

Одинокая, разочаровавшаяся в своем таланте писательница заключает пари о том, что сможет за тридцать дней написать криминальный роман-бестселлер. За вдохновением Ханна отправляется в Исландию, где останавливается у гостеприимной Эллы в маленьком рыбацком поселке Хусафьордур. Через несколько дней племянника Эллы Тора вылавливают из воды бездыханным. Тор, как и многие в деревне, был сыном рыбака, но страдал сильной боязнью воды. Как в таком случае он мог утонуть? Кто убил мальчика? Найдя в происходящем интересный материал для написания детектива, Ханна принимается писать роман по свежим следам, но понимает, что решить загадку будет сложнее, чем ей представлялось. Расследование затягивается в тугой узел, обнаруживается все больше улик: странные свидетельства местных жителей, действия полицейских, покушение на жизнь Ханны и просьба о прекращении расследования... Сильная снежная буря не дает Ханне возможности уехать из жуткого места и полностью погружает ее в череду необъяснимых убийств.

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-271-48704-0

© Мэдсен Д., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	7
1	8
2	11
3	15
4	19
5	21
6	27
7	32
8	35
9	39
10	42
11	46
12	51
13	54
14	57
15	59
16	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дженни Лунд Мэдсен

Тридцать дней тьмы

Jenny Lund Madsen
Tredive dage mørke

© Jenny Lund Madsen, Copenhagen 2020
© Publisher Grønningen 1, 2020
© О. В. Рождественский, перевод, 2022
©ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Пролог

Сердце буквально рвалось из груди. Почему все должно закончиться именно так? Отчаянно хотелось закричать, разодрать самого себя на части. Повалить кого-нибудь на землю и пинать ногами до тех пор, пока тот не испустит дух. Независимо от того, он ли это будет или же кто-то другой, также заслуживающий этого. В данный момент, по его представлениям, весь мир заслуживал смерти.

Он пошел быстрее. Под ногами чавкала слякоть. Он ненавидел эти места. Темнота, холод, сырость. И так, черт возьми, постоянно. Сам не зная почему, он направился к воде. Вскоре стал слышен шум волн. Чем ближе он подходил к берегу, тем сильнее становилось желание прыгнуть в море и разом забыть обо всем. Как бы ему хотелось уехать отсюда: он ненавидел эту деревушку и всех ее обитателей. Он почувствовал, что мерзнет. Был так возбужден, что ушел, не взяв куртку. В какой-то момент, заметив это, хотел было вернуться, однако это значило бы потерять лицо. А потерять лицо – это последнее дело. Нет, он победит их всех – уедет и преуспеет в этой жизни, а потом вернется сюда и покажет, чего достиг. Да он чего угодно добьется, ждет не дождется, когда можно будет начать. Ну и хрен с ними! Он был уже почти у самого моря, ощущал губами соленые брызги волн. Облизнул губы. Сейчас он чувствовал, что способен на все. Отнять у себя собственную жизнь, убить кого-нибудь – безразлично. Он заслуживает лучшей участи, в его власти все на свете, он может делать, что только захочет. Он остановился, сорвал с себя свитер, подставив обнаженное тело укусам ноябрьской стужи. Холодно было до боли, оставаться раздетым становилось по-настоящему опасно. Снова появилось желание броситься в волны, одним махом покончить со всем. Однако внезапно, издав вопль отчаяния, он как-то разом сник и осел на землю, всхлипывая и задыхаясь от перехвативших горло рыданий. Не обращая при этом никакого внимания на сырую заиндевевшую траву, облепившую тело. Несмотря на то, что для этого времени года погода все еще оставалась довольно мягкой, холод вскоре проник в каждую его клеточку, подбираясь к самому сердцу. Как же все-таки это несправедливо! Все прочие могут спокойно находиться в своих теплых комнатах, без каких-либо там проблем, без всяких сломанных только что жизней, в то время как он, будто зверь, сидит тут в пустоте и одиночестве. Он снова всхлипнул, попытался справиться с собой, чувствуя, как весь он наполняется жалостью к самому себе. В данный момент у него было только одно желание: чтобы кто-нибудь его обнял. И он знал, кто всегда готов его обнять, – хотя он только что ее отверг. Сама лишь мысль об этом подействовала на него как некоего рода утешение. Рыдания мало-помалу стихли, но тело все еще сотрясалось от холода. Ему надо к ней домой, упасть в ее объятия, выпить чашку чая.

Внезапно он что-то увидел – это вдалеке мелькнули фары автомобиля. Машина подъехала ближе, и ему показалось, что он даже на расстоянии узнает ее. Ни у кого больше в деревне не было таких слепящих фар. Вот дерьмо! Это последнее из того, что ему в данный момент нужно. Какого дьявола, спрашивается, болтать с этим идиотом?! Он поднялся на ноги и надел свитер. Нет уж, лучше вернуться домой – жить, а не умирать. В этот момент за спиной прозвучал чей-то голос – кто-то назвал его по имени. Неужели правда? Или показалось? Он хотел было обернуться, но не успел. Удар! Как будто на голову ему рухнуло небо. Упав на землю, он успел еще ощутить холод мокрой травы и текущую меж прядей волос струйку крови. Почувствовал, как кто-то схватил его за ногу и тащит к воде. Попытался пошевелиться, но не смог. Вслед за этим сознание полностью померкло, и потому он не увидел, как кто-то сделал с его телом то, о чем он сам только что размышлял: опустил в темную, ледяную, несущую смерть морскую воду.

1

Их руки сплелись на общем подлокотнике, они одновременно откинулись на спинки кресел и посмотрели друг на друга. Он на какое-то мгновение раньше, чем она. Он боялся летать, она – нет, однако делала вид, что тоже боится. Глаза их сияли любовью. Покидая землю, они будто ласкали друг друга взглядами.

Она: Я жила в палатке на склоне горы.

Он: Я катался на лыжах.

Она: У меня от тебя дух захватывает.

Он: Я танцевал в Брюсселе.

Самолет уже в воздухе. Его слегка влажная от пота рука...

Так! Ну и что теперь? Как перейти от любви с первого взгляда к психологии любовных отношений? Как описывать чувства любящей пары, не рискуя, что при этом у тебя не выйдет дурная копия Гете или, что еще хуже, неплохая копия Барбары Картленд?¹ Как бы там ни было, но это будет слишком уж банально. Решительно нажав на «Delete», она удалила весь отрывок, смысла чувство неудовлетворенности большим бокалом красного вина. За ним последовал еще один – одного бокала было явно недостаточно, чтобы отделаться от ощущения заурядности, посредственности. У Ханны Краузе-Бендикс никогда еще не было негативных рецензий, никто из критиков не написал ни единого дурного слова ни об одном из ее четырех романов. Среди современных отечественных писателей она считалась звездой первой величины, ее дважды номинировали на литературную премию «Северного совета». Правда, оба раза безрезультатно. Однако что из того? Она не считала, что литературу можно оценить премиями. Многие из тех, что присуждались ей за все эти годы, она просто-напросто не брала. Все свои сорок пять лет она полагала, что выше всего – целостность и неизменность подхода, а стремление к коммерческому успеху всегда считала ниже собственного достоинства. Быть может, лишь один ее издатель знал, что здесь она лукавит. Диалог, заново:

Он: В Копенгагене есть такие улицы, которые существуют лишь в моих снах.

Она: Однако ведь от этого они не становятся менее реальными?

Снова «Delete». Никогда прежде в своих книгах она не пыталась описывать ощущение влюбленности с первого взгляда, и пока что все это выглядит как прелюдия к свиданию на одну ночь без продолжения. Ханна нервно встала из-за письменного стола – немецкий дизайн, красное дерево, достаточно прочный, чтобы выдерживать все написанные ею, разумеется, гениальные слова. Но сегодня выдерживать практически нечего – не идут они, эти слова. И сегодня тоже. Ханна быстрым шагом прошла по своей мансардной квартирке. Много времени это не заняло – всего каких-то шестьдесят семь квадратных метров. Остановилась у окна, открыла его, выпустила дым от сигареты поверх городских крыш. Отличный денек. Копенгаген наслаждается осенним солнцем. Несмотря на то, что на дворе уже ноябрь, люди ходят с короткими рукавами. Как будто это может продлить лето. Иной раз она даже завидует им, этим людям, которые катают в колясках свое потомство и безмятежно приветствуют друг друга, потягивая соевый латте из бумажных стаканчиков. По воскресеньям копенгагенцы всегда выглядят такими счастливыми. В какой-то момент она даже подумала: может, ей все же сходить туда? После этого Бастиан месяцами перед ней на цыпочках ходить будет. А что, неплохая идея: в течение нескольких месяцев благодарный и сговорчивый издатель. Весьма заманчиво. Однако

---

¹ Барбара Картленд (1901–2000) – английская писательница, автор многочисленных любовных романов. (Здесь и далее – Прим. пер.)

уже в следующую секунду Ханна с негодованием отшвырнула окурок. Ни за что на свете она не пойдет на эту гнусную книжную ярмарку и не собирается подписывать свои романы жалким плебеям, которым неведома разница между книжками и литературой. Кроме того, ее отсутствие вряд ли станет разочарованием для всех этих читателей. Ведь ее читательская аудитория настолько же мала, насколько элитарна – несмотря на признание в литературных кругах, ей приходится пользоваться поддержкой со стороны государства. Ее книги особого рода: сделав глоток кофе, пожилой господин размышляет над последующими сорока страницами, прежде чем отхлебнуть снова. При этом остывает не только кофе. Большинство ее читателей – хладнокровные, трезвомыслящие люди.

Ханна отправилась на кухню, пытаясь убедить себя, что ей что-то там понадобилось. Придумала некий голод, хотя прошел всего лишь час после завтрака. Нет, правда, всего лишь час? Взгляд, брошенный на электронные часы на плите, заставил ее ощутить укол совести: нет еще и одиннадцати, а она уже пьет третий бокал вина и курит пятую сигарету. С этим надо кончать. Отныне никакого алкоголя до двенадцати. Такое обещание она давала себе уже множество раз, зная, что и теперь его не сдержит. Полное соответствие этому чертову общепринятому стереотипу – какая фигура должна быть у писателя. Ханна открыла пару шкафчиков и снова их закрыла. Тот же ритуал с холодильником: открыла – закрыла. Желание что-то съесть, тем не менее, так и не появилось. Не хотелось решительно ничего. Почему в последнее время вдохновение все чаще стало ей изменять?

Поправка: изменяет не само вдохновение. Как раз вдохновляющих впечатлений у нее вполне достаточно. А вот что касается обработки их – в письменной, разумеется, форме... Внезапно возникшее ощущение, острое наблюдение, удачно найденное слово не становятся теперь отправной точкой сюжета. Да и честно говоря, теперь их практически нет. Точнее, те, что все-таки время от времени появляются, никуда не годны: либо какие-то штампы, либо пафосная чушь, либо откровенная мелочевка. Ей больше не удастся заставить дрожать этот нерв, на чем и строилось все ее предыдущее творчество. Описание характеров всегда было сильной стороной Ханны. Чисто интуитивно ей удавалось настолько ярко нарисовать портреты своих героев, что читателям казалось, будто она не просто знает того или иного персонажа, а она и есть тот самый человек. Она была наблюдателем. В то время как сидящие за столом участники шумной компании, перебивая друг друга, непременно пытались высказаться, Ханна наблюдала за ними. Она не повышала голоса, избегала каких-либо жестов, способных привлечь к ней внимание, – просто тихо сидела и слушала, а в те моменты, когда дискуссия обострялась, на губах ее появлялась мимолетная улыбка. По бегавшему взгляду человека и по его заумному пустословию Ханна видела, насколько далеко все сказанное им от истины, как отчаянно он пытается не быть уличенным. В чем именно? В отсутствии душевного равновесия, в унынии и скуке, в стремлении защищать те ценности, которые являются непозволительной роскошью в окружающем нас реальном мире. Именно такого сорта философия являлась отличительной чертой ее книг, для этого она и создавала характеры своих, порой невероятных, персонажей. И все это с единственной целью – сделать читателя умнее. Правда, она уже стала сомневаться, что написанное ею может сделать кого бы то ни было умнее. И меньше всего ее саму. Все это лишь бесконечный поток мыслей, отображенный на бумаге в виде строк. Потому-то она теперь и решила попробовать заняться любовной темой. Вдруг это поможет ей вернуться на прежний правильный путь? Или же откроет какой-то новый. Однако как же это сложно – описывать любовные чувства, когда сама на этом поприще не особо преуспела. И вдвойне тяжело, когда, откровенно говоря, не слишком-то в них веришь. Она выглянула из окна кухни во дворик, где играли дети. Разумеется, если можно было назвать игрой то, что они делали – зачерпывали из огромной бочки дождевую воду и поливали ею цветы. Судя по радостному визгу и довольным улыбкам детей, занятие это доставляло им истинное наслаждение. Ханна вздохнула: надо же, такая легкая и беззаботная жизнь. Встряхнувшись, она попыталась прогнать эту

мысль: куда это годится – заниматься сентиментальными копаниями на свой собственный счет. Если уж говорить начистоту, то кое в каких собственных проблемах, в частности любовных, она сама виновата. Не то, что бы она вообще не была способна любить. Нет, она влюблялась, и даже довольно часто. Но всегда ненадолго. В общении с окружающими ей и так не всегда хватало терпения, что же касается любовных чувств, то она разочаровывалась прежде, чем они получали какое-то осязаемое развитие. Хотя «разочарование», пожалуй, не совсем верное слово. Точнее всего, Ханне становилось скучно. Может, из-за того, что, постоянно занимаясь созданием портретов своих персонажей, она всегда чувствовала некое превосходство над всеми вокруг. Ей не хватало чего-то, что могло ее поразить, или кого-то, кого она не могла просчитать. Ханна уже начала сомневаться, что такое с ней когда-нибудь случится.

У Бастиана никогда не было ни тени сомнений на ее счет. А вот здравый смысл ему порой, казалось, изменял. Если бы он не был ее лучшим (да что уж там, единственным) другом, самым верным фанатом и бесконечно снисходительным издателем, она бы уже много лет назад порвала с ним из-за полного отсутствия коммерческой жилки. Ханна часто задавалась вопросом: а вообще говоря, зачем она ему? Из всех тех, с кем сотрудничал Бастиан, Ханна была единственным настоящим писателем. Все остальные «писатели», чьи опусы он печатал, были авторами поваренных книг, детективов или же низкопробных авантюрных романов – всего этого вполне безобидного, легко усваиваемого чтива. Здесь имелись сплошь готовые ответы, однозначно хорошие и плохие люди, всегда получающие свое решение проблемы. Романы Ханны никогда не содержали ответов. В них и вопросов-то не было. Они заставляли читателя задуматься. Погрузиться в текст. Прочувствовать его. А это далеко не каждому дано. Ханна привыкла иметь дело с элитарным читателем. И прекрасно понимала, что это не она должна была бы вынашивать планы расставания с Бастианом, а ему уже давным-давно следовало ее бросить. Работать с ней трудно, книги не продаются. То, что вот уже четырнадцатый год Бастиан настаивает на ее сотрудничестве с его издательством, может объясняться лишь тремя вещами: престиж, филантропия и отсутствие коммерческой жилки. Каждый раз, когда она задумывалась над этим, третья причина представлялась ей наиболее правдоподобной. В секундном приступе желания помочь другу вести дела более рационально она решила, что просто обязана ему чем-то отплатить. Позвонив Бастиану, она объявила, что придет на книжную выставку. Все равно сегодня ей не пишется. Бастиан был счастлив.

2

Закурив у входа в «Белла-центр»², Ханна уже успела пожалеть о своей инициативе. Наполнив легкие сигаретным дымом, она собиралась с силами и попутно разглядывала разношерстную публику, входящую и выходящую сквозь приводимые в движение нажатием руки револьверные двери из толстого, захватанного пальцами стекла. Седые пенсионеры, приехавшие из Ютландии энтузиасты, дети – все стремились побывать в этом мире книг. С этими людьми ей и предстояло побеседовать. О господи милостивый, убей меня медленно!

– Извини, но может, ты все же отойдешь подальше от входа с этой своей сигаретой?

Обернувшись, Ханна едва не уткнулась носом в прическу женщины, которую в прежние времена вполне можно было бы принять за прекрасную доярку. Эта же, по всей видимости, была детским воспитателем, и ее осветленные волосы отросли на добрых четыре сантиметра со времени последнего окрашивания. Посмотрев с высоты своего роста вниз на женщину, Ханна заметила горящее в ее глазах возмущение. Воспитательница с видом оскорбленной добродетели окинула стоящую позади нее беспокойную стайку детишек.

– Зона для курящих вон там.

Женщина показала на строение, расположенное так далеко, что Ханна едва смогла его различить. Ханна наградила ее широкой улыбкой.

– О'кей, так мне что же теперь, в Швецию отправляться, чтобы выкурить сигаретку?

– Все это ради детей. При виде курящих они тоже могут захотеть. Или даже получить рак.

– Увидев, что я курю?

– Вдыхая дым.

Устав пререкаться, Ханна перевела взгляд с доярки-воспитательницы на ребятишек, которые глазели на нее, как на какого-то Дарта Вейдера. Затем наклонилась к стоящему первым сопливному краснощекому мальчугану и протянула ему дымящуюся сигарету.

– Докурить хочешь?

Мальчик в испуге замотал головой. Ханна выпрямилась и посмотрела в глаза воспитательнице.

– Сама видишь, ни на какие гадости я никого не сподвигну.

Потушив и отшвырнув окурок, Ханна повернулась и вошла внутрь, разом окунувшись в выставочный ад и пропустив мимо ушей истошный вопль воспитательницы, требовавшей бросать окурки исключительно в урну.

Закутки из книжных прилавков со стоящими тут же продавцами составляли стены лабиринта, по которому бродили самые разные люди – от благообразных седовласых пенсионеров до юных парочек с детьми. Одни – в поисках очередного книжного шедевра, другие – в надежде встретиться с любимым писателем, однако большинство – в попытке сбежать от домашней тоски и скуки. Накрутив на голову платок, Ханне удалось, пробираясь вперед, избежать встреч с коллегами, журналистами и читателями. Дойдя до стенда, на котором были расставлены ее книги, она вдруг покрылась холодным потом и почувствовала, что ей становится трудно дышать. Обострение проклятой агорафобии! Так вот где ей придется раздавать автографы. Бастиана все еще не было видно, а ведь он обещал, что придет. Она с досадой констатировала, что все ее выставленные книжки, судя по всему, по-прежнему стоят на месте и непохоже, чтобы кто-нибудь ими интересовался. Кроме Ханны на стенде маячила лишь фигура издательской практикантки. Когда Ханна сняла платок, практикантка ее не узнала.

---

² «Белла-центр» – выставочный комплекс в Копенгагене, место проведения ежегодных книжных выставок-ярмарок.

– На эти книжки специальное предложение: две по цене одной. Никак не расходятся, хотя сами книги действительно отличные. Автор – дважды лауреат литературной премии «Северного совета».

Ханна почувствовала, как у нее неприятно засосало под ложечкой.

– Этому писателю никогда не присуждали премию «Северного совета» в области литературы.

– Да не может такого быть. Это ведь Ханна Краузе-Бендикс. На самом деле, она одна из лучших датских писателей, просто ее мало кто знает. Между прочим, мой любимый автор.

У Ханны возникло острое желание извлечь из сумки револьвер, которого, к счастью, там никогда не было. Убийственный сарказм оставался ее единственным оружием.

– О'кей, любимый автор, говоришь? В таком случае какой из ее романов можешь порекомендовать?

Практикантка слегка помедлила, чувствуя, что завралась.

– «Я прихожу в тишине» – вещь и вправду эпическая.

– Эпическая?

– Ну, знаешь, книга и вправду довольно-таки необычная, но таков уж писательский стиль.

По-настоящему глубокая вещьца.

– Глубокая?

– Ну, понимаешь, это сложно объяснить, потому что...

– Потому что ты ее не читала? – перебила Ханна.

Практикантка растерянно моргала, силясь собраться с мыслями для достойного ответа. Однако Ханна ее опередила.

– Как ты можешь продавать на книжной ярмарке произведения, которые, как утверждаешь, читала, когда слепому видно, что о литературе тебе известно не больше, чем самому последнему неграмотному...

– Неграмотному кому?

За спиной у Ханны неожиданно выросла двухметровая фигура Бастиана. Взглянув на Ханну, он перевел вопросительный взгляд на съездившуюся за прилавком, едва не плачущую практикантку.

– Неграмотному идиоту.

Ханне было досадно, что в голову ей не пришло какое-нибудь более утонченное оскорбление. В то же время она с раздражением отметила, что практикантке, похоже, не были ведомы ни страх, ни стыд, так что ни о каком нервном срыве речь не шла. Вместо этого девица выпрямилась и приосанилась, наверняка убежденная в том, что сейчас ее шеф – высоченный красавчик Бастиан – выведет напавшую на нее женщину в наручниках вон из здания. Ханна знала, что он этого не сделает.

– Клаудия у нас новенькая, изучает литературоведение.

Услышав это представление и наверняка не оставляя мыслей о наручниках, Клаудия выпятила грудь и развернулась к Бастиану.

– Просто я пыталась рассказать этой клиентке о творчестве Ханны Краузе-Бендикс, а она на меня накинулась и обругала.

Ну разумеется. Женщина, с готовностью принимающая на себя роль жертвы. Как банально!

Практикантка Клаудия покосилась на Бастиана. Так где же наручники?

Ханне же их конфликт даже начал нравиться. Если ей повезет и Бастиан уволит эту невежду, то получится, что именно благодаря Ханне издательство сможет с корнем выдрать этот гнилой зуб. Те, кто пытается поучать других по поводу вещей, о которых сам толком ничего не знает, должны умирать медленной, мучительной смертью. С другой стороны, Ханна хотела поскорее приступить к тому, ради чего она здесь, собственно, и оказалась, а продле-

ние и так затянувшегося спора, несомненно, никак не увеличит количество подписанных ею экземпляров.

– Не знаю, на чем ты там специализируешься – на чтении балансовых отчетов или же модных блогов, – но уж точно не на романах. Ибо, да будет тебе известно, я и есть та самая Ханна Краузе-Бендикс, написавшая все эти книги, которые ты пытаешься тут сбыть, как банки маринованных огурцов на распродаже.

Клаудия тяжело вздохнула.

– Ханна, она новенькая.

Бастиан попытался подвести черту под ссорой и не усугублять унижение.

– Я же не знала... На фотографии ты совсем не такая... Сейчас ты выглядишь значительно старше.

Клаудия завоzilась с книгами, расставляя их по ранжиру. Будто это могло как-то исправить ситуацию. По достоинству оценив скорость ответной реакции оппонента, Ханна сняла куртку и швырнула ее за прилавок.

– А не сходить ли тебе отдохнуть, дорогуша, и не выпить стаканчик экосоевого латте, пока я тут часок-другой буду подписывать свои эпические романы?

Клаудия посмотрела на Бастиана с видом ученицы, просящей позволения выйти в туалет.

– Что ж, сделай перерыв.

Понимая, что проиграла, Клаудия удалилась. Тем не менее по-прежнему гордо выпрямив спину и выпятив грудь.

– Рад видеть тебя и то, как ты в своей обычной манере наводишь ужас на персонал.

Бастиан указательным пальцем слегка постукивал по прилавку.

– Неужели действительно так сложно нанять на период ярмарки какого-нибудь временного сотрудника, который прочитал хотя бы одну из моих книг?

Бастиан промолчал. Ханна вздохнула. Ну да, конечно. Если в ближайшее же время не удастся завоевать новую читательскую аудиторию, следующим шагом станет то, что все ее книги отправятся прямиком на блошинный рынок.

– Знай, я делаю это лишь потому, что сердце у меня доброе. Святая истинная правда.

– А не могла бы ты, по крайней мере, хотя бы улыбаться?

– Как прикажешь, с чертовщинкой или сексуально?

– Просто дружелюбно. Я знаю, ты это можешь.

Бастиан улыбнулся и развел руками, затянутыми в рукава пиджака дорогого костюма. Ханна помнила еще те времена, когда в гардеробе Бастиана преобладали вельветовые штаны и свитера. Однако все это было еще до экономического бума нулевых. И до того, как он стал редактором. С тех пор, как он начал работать в издательстве, на смену им пришли костюмы разных цветов и фасонов. Ханна была уверена, что это был вполне осознанный ход, подчеркивающий, что студент, любитель литературы, сменил свой статус, став профессиональным литератором. Если прежде он имел дело с книгами из обычного интереса, то теперь интерес этот был обусловлен зарабатыванием денег. С самой Ханной ничего подобного так и не произошло. Тем не менее где-то в глубине души она была даже рада, что Бастиан изменился. При виде стола, заваленного собственными творениями, она ощутила нечто похожее на благодарность Бастиану за его предпринимательскую активность – ведь если бы не он, на ярмарке бы не было ни одной ее книги. Хотя ей по-прежнему не хватало того одетого в вельветовые штаны и свитер парня, которого она впервые встретила на чтении Ингер Кристенсен³ ее знаменитой «Долины бабочек» где-то в конце девяностых.

– Звук проходит?

---

³ Ингер Кристенсен (1935–2009) – датская писательница и поэтесса. Книга стихов «Долина бабочек» вышла в 1991 году.

Ханна рывком обернулась в ту сторону, откуда раздалась реплика. Запищал микрофон, усиливая слабый женский голос. Принадлежал он особе, выглядевшей, если можно так выразиться, под стать голосу – еще более слабой и хрупкой. Наташа Соммер. На сцене. Здесь же стояли два стула, а между ними – маленький столик с двумя стаканами воды. Не имеющая профильного образования журналистка, специализирующаяся на вопросах культуры. Она слегка пощелкала по микрофону: тук-тук, снова писк. Да, все в порядке, звук проходил. За спиной у Наташи висел плакат, при взгляде на который сердце у Ханны на мгновение сбилось с ритма. На плакате красовался портрет Йорна Йенсена – самого ужасного в мире автора детективных романов, главного объекта ненависти Ханны. Похоже, Наташа Соммер будет брать у него интервью. Прямо сейчас. На этой самой сцене. Ханна тяжело вздохнула. Ведь знала же она, что поступает неверно, решив все-таки сходить на эту ярмарку.

3

Улыбка, улыбка, успех, снова успех. Ханна листала каталог ярмарки, рассматривая портреты своих коллег по цеху и фотографии обложек их книг. Для нее это было еще одним досадным напоминанием о том, как же давно у нее самой выходило что-то новое. Она захлопнула каталог, окинула взглядом собственный совершенно безлюдный стенд. И, напротив, расположенная совсем рядом площадка со сценой была забита людьми до отказа. Досадуя на одиночество, она косилась на сгорающую от нетерпеливого ожидания публику. Внезапно у нее возникло острое желание стать маленькой, крохотной, забраться в самую что ни на есть малюсенькую клеточку собственного тела. За что, вообще говоря, она так ненавидит этого Йорна? Ведь не за то же, в самом деле, что книги его так хорошо продаются. И не за то, что их читают. Любят. Она не столь примитивна; чужой успех ее только радует. Ханна осмотрела маникюр, пару раз согнула и разогнула пальцы, внимательно разглядывая их, как будто бы в них было заключено некое неразгаданное таинство. А ведь на самом деле так и есть. Они превращают ее мысли в слова, материализуют душу, выпускают ее на свободу. Вот чего не хватает книгам Йорна – души. В них нет блестящих, оригинальных мыслей, присущих яркой индивидуальности. Они всего лишь механический репринт, своего рода конвейерная штамповка чужих идей. Быть может, его книги увлекательны, может, в них есть даже мораль. Тем не менее все эти их достоинства не более чем ходовой товар, ибо сделаны по шаблону. Где оригинальность мышления, где душа – все то, что отличает писателя от обычного человека, который умеет писать и имеет хоть какое-то представление о построении сюжетной интриги? А язык?! Почему он абсолютно не заботится о своем языке?

Когда Йорн поднялся на сцену, раздался взрыв аплодисментов. Поцеловав в щеку Наташу Соммер, он широко улыбнулся своим фанатам. Вероятно, он пытался выглядеть скромно, но это ему явно не удалось – самовлюбленность было не скрыть. Кое-кто в публике засвистел, как будто он был рок-звездой. И это Дания – культурная страна! Черт бы побрал всю эту бесталанную братию! Ханна не отрывала глаз от Йорна – так сова перед тем, как напасть, смотрит намышь, растопырив свои когти. Правда, ее собственные когти по-прежнему лежали на прилавке и даже слегка расслабились – ведь Йорн относился к числу неприкасаемых. Наташа Соммер начала свое интервью, едва заметно кокетничая с собеседником. Далее заговорил Йорн. Видно было, что он полностью уверен в себе, а речь его хорошо отрепетирована. Каждое сказанное им слово становилось еще одной каплей бензина, падающей на и без того обожженную кожу Ханны.

– Как бы мне хотелось писать очередную книгу, ну, скажем, минут за восемнадцать, а закончив, сразу же браться за следующую.

Вот ведь жжет!

– Писать – это ремесло, такая же работа, как любая иная. Поэтому очень важно строго соблюдать трудовую дисциплину: в определенный момент времени усесться за стол и писать, не останавливаясь, до тех пор, пока не получится запланированное количество страниц. Кстати, при этом так же важно придерживаться здорового питания и совершать приличный моцион, чтобы сохранять остроту мысли.

Ну прямо огонь!

– Я считаю своим долгом никогда не надоедать своему читателю, всегда стремиться к тому, чтобы завоевать как можно более обширную аудиторию. Ведь написание подобного рода книг – это целая индустрия. Я, можно сказать, ощущаю себя неким предпринимателем, создающим рабочие места для множества людей: в издательстве, в типографии, в книжных магазинах.

Мировой пожар, да и только!

Не в силах дольше выслушивать эту чушь – отождествление литературы с рыночной экономикой, – Ханна нащупала в сумочке мобильник и набрала Бастиана, однако попала на автоответчик. Она уже совсем было решила потихоньку сбежать отсюда, как вдруг на стенд заглянули две девочки-подростка. Ханна попыталась выкинуть из головы мысли о Йорне, но ей это не удалось.

– А как бы ты описал соотношение между, ну, скажем, более серьезными литературными направлениями и книжной поп-культурой, ярчайшим представителем которой ты являешься?

Услыхав вопрос Наташи Соммер, Ханна насторожилась. Йорн спокойно кивнул, вероятно, показывая, что понял вопрос, а быть может, подчеркивая тем самым, что ответ будет довольно сложным.

– Мне это видится следующим образом: превосходно, что существуют авторы бестселлеров, такие, как я, за счет чего у прочих писателей появляется возможность издавать свои произведения. Таким образом, популярная литература является необходимой для того, чтобы по-прежнему издавались даже те книги, которые не особо расходятся.

Да чтоб я заживо сгорела!

Так вот, значит, как, подумала Ханна. Стало быть, это ты даешь мне средства к существованию. Мне удастся издавать мои книги лишь потому, что ты пишешь свои, дурацкие? А поскольку тебе нет никакого дела до языка, которым они написаны, я могу позволить себе удовлетворять собственные эстетические амбиции? Когти вновь стали потихоньку растопыриваться. Девчонки-подростки подошли к ней, и одна из них швырнула на прилавок книжку.

– Упакуешь это?

Ханна посмотрела на книгу, а затем подняла взгляд на девочку: слишком черные, явно крашенные волосы в сочетании с бледной кожей лишний раз подчеркивали ее нежный возраст. И еще: девочка была абсолютно безбрововой. Ханна терпеть не могла, когда у человека отсутствовали брови – считала это неким признаком слабохарактерности. Что же, в самом-то деле, не могла их хотя бы нарисовать? Однако вовсе не внешность посетительницы стала причиной мгновенно вспыхнувшего в душе Ханны недовольствия. Книга, которую та положила перед ней, была «Женщина, которая шептала о помощи». Автор Йорн Йенсен. Ханна взяла ее с таким видом, будто это были потерянные трусы какого-то грязного бомжа, и перевернула ее. На обратной стороне обложки красовалась фотография Йорна со скрещенными на груди руками. Он стоял, живописно привалившись к какому-то дереву, и смотрел прямо в объектив, как будто проводил сеанс психоанализа с линзой. Кроме фотографии здесь было несколько строк из рецензий, сплошь хвалебных, а также карта звездного неба. По-видимому, скачанная с какого-то сомнительного блогерского сайта, о котором Ханна никогда не слышала. Ханна оторвалась от картинки и посмотрела на самого человека с фотографии.

– Я вовсе не думаю, что смогу весь остаток жизни быть успешным писателем – следует, в конце концов, и меру знать. Надо уметь остановиться, пока игра еще того стоит.

Произнося последние слова, Йорн посмотрел на Ханну. Взгляд был прямым, кратким, однако достаточно красноречивым, чтобы понять, что это не случайность. Ей даже показалось, что на лице его появилась насмешливая ухмылка – может, это был своего рода ответ на то, что она неизменно поворачивалась к нему спиной на различных приемах. Сдерживаемое в течение многих лет раздражение вдруг прорвалось наружу: Ханна внезапно размахнулась и, сама, видимо, не вполне понимая, что делает, швырнула в Йорна экземпляр «Женщины, которая шептала о помощи». Вполне вероятно, многочисленные годы, проведенные им в датской армии, обострили его реакцию и научили уворачиваться от летящих прямо в голову книг, ибо в самый последний момент он успел ловко отклониться и тем самым буквально на миллиметры избежать попадания собственного бестселлера прямиком в лоб. Вместо этого книга стукнулась

в стойку с плакатом, на котором была изображена обложка книги. Стойка с грохотом рухнула со сцены.

Казалось, чуть ли не все посетители ярмарки повернулись в сторону Ханны. Безбровая девочка-подросток указала на нее пальцем:

– Это она ее бросила!

Измученная Наташа Sommer прикрыла ладонью рот, видно было, что она не в состоянии предпринять ничего сверх того, что написано аккуратным почерком в ее блокноте с планом интервью. Йорн же, напротив, сохранял спокойствие. Он встал со своего места, подошел к краю сцены, чтобы лучше видеть поверх голов, и посмотрел Ханне прямо в глаза, она же не сделала даже попытки отвести взгляд.

– Ага! По-видимому, кое-кто вовсе не в восторге от моей новой книги.

Многие в публике заулыбались. Ханна вскипела.

– Я ее не читала, однако наверняка это не более чем копия одной из твоих прежних книг, только с новым названием. Или почти новым – ведь предыдущее детище было «Женщина, которая мечтала о сексе». Я прочла ее за один день.

– Ага, значит, ее ты читала! Мне это весьма льстит.

Йорн самодовольно улыбнулся в толпу, которая ответила смешками и ухмылками. Первый шок у публики прошел, люди молниеносно перестроились и приготовились к новому развлечению: назревало острое столкновение двух известных писателей, испытывающих друг к другу явную неприязнь, что-то вроде литературной дуэли. Это куда лучше, чем один человек на сцене, пусть напротив него и установлен микрофон в держателе.

Наташа Sommer пришла в себя и в предвкушении затаила дыхание. Фотографы защелкали затворами своих аппаратов. Ослепленная вспышками, Ханна заморгала. В следующий миг она увидела себя как бы со стороны. Ей будто сделали инъекцию несуществующего лекарства, содержащего в равных долях панический ужас и боевой задор. С помощью адреналина она смогла подавить в себе первый ингредиент.

– На самом деле пусть тебе это не льстит – данное чтение произвело на меня самое удручающее впечатление. Я тут как-то вела курсы письма для детишек-четвероклашек, так вот они, на мой взгляд, формулируют свои мысли куда лучше.

Похоже, ехидное замечание Ханны достигло цели. Нервное подергивание уголка рта Йорна свидетельствовало о том, что выпад в адрес творческих способностей был худшим из зол даже для такого человека, как он, уже продавшего несколько миллионов книг, а теперь еще и права на экранизацию своего очередного шедевра в одной из англоязычных стран.

– Невозможно же всем писать тонкие психологические романы, рассчитанные лишь на интеллектуальную элиту.

Ханна была готова к подобному аргументу. Ей уже и раньше приходилось слышать это.

– Строго говоря, возможно. Однако вопрос не должен ставиться «либо-либо». Одно другого не исключает, и все это сейчас вовсе не из-за того, что я ненавижу детективы. Я ненавижу плохие детективы, которые преподносятся людям как хорошие, – например, такие, как твои.

От добродушия Йорна не осталось и следа. Теперь он только защищался.

– Ты, разумеется, можешь называть мои детективы плохими, однако думаю, что многие с тобой не согласятся. К примеру, многомиллионная армия моих читателей.

Раздались аплодисменты. Ханна сделала вид, что их не замечает – ведь по большому счету все собравшиеся здесь были фанатами Йорна. С данной ситуацией ее примиряло понимание того, что, как в национальных, так и в международных литературных кругах, она слышит королевой высокой культуры. Даже притом, что, быть может, круги эти не слишком широкие.

– Вкус большинства редко является показателем качества.

Внезапно Ханна подумала, что, вероятно, немного переборщила. В ее намерения не входило оскорблять Йорна лично. На самом-то деле проблема заключена вовсе не в нем самом, а

в том, каких взглядов он придерживается. Ну, разумеется, и в том, что ему хватает наглости поучать других, как им следует писать. Так что нет! Все-таки он это заслужил. Именно он!

Появилась даже одна телевизионная камера – кто же знал, что писатели разыграют целую драму на фоне своих книг?! Ханна ее сразу же заметила. Действительно, какого черта она завелась? Но ни свернуть, ни остановиться она уже не могла. Так для автомобиля, попавшего на обледенелый участок дороги, единственным способом избежать катастрофы является продолжать свой путь, не меняя ни скорости, ни направления, надеясь при этом на благоприятный исход. Йорн, как видно, придерживался той же стратегии.

– Мне представляется довольно самонадеянным с твоей стороны стоять здесь и утверждать, что ты обладаешь лучшим вкусом, чем все те, кто читает мои книги.

Ну уж нет! Нельзя позволять ему сводить их спор к вопросу о вкусах.

Ханна потянулась к высоченной стопке книг Йорна и взяла в руки верхний экземпляр.

– Вот посредственная вещичка объемом в несколько сотен страниц. Дурной вкус – это еще не так страшно. Но если ты создаешь заведомо посредственную книгу и не желаешь прилагать ни малейших усилий, чтобы пытаться писать лучше или хотя бы по-другому, то это, на мой взгляд, является самой настоящей угрозой для нашего общества. Да, подлинная угроза – это все те, кто не хочет напрягаться, а просто-напросто заглядывает в шкаф и берет с полки готовые клише. И зарабатывает на этом огромные деньги. Да любой идиот в состоянии написать за месяц такой детектив!

Йорн выдержал паузу. Все посетители книжного форума, затаив дыхание, смотрели на него.

– О'кей. Но раз это может любой идиот, значит, и ты тоже сможешь?

Ханна замерла. Она поняла, куда он клонит. Такого поворота она не ожидала.

– Разумеется, сможет!

Ханна обернулась, высоченная, как башня, фигура Бастиана возникла у нее за спиной. Он что же, выходит, был здесь все это время? И что за манера – влезать с подобного рода заявлениями в чужую беседу?

– Что ж, мне кажется, это прекрасный вызов! Написать детектив за месяц! Думаю, все мы с нетерпением будем ждать эту книгу.

Йорн улыбнулся – все-таки ему удалось перевести беседу в нужное для себя русло. Что ж, нахальство – второе счастье.

Одобрительные кивки, аплодисменты, вспышки камер, разговоры. Что это было – хитрый медийный трюк или же настоящий конфликт, – никто так до конца и не понял. Развлечение, начинавшееся здесь и сейчас, вышло на новый, пожалуй, даже эпохальный уровень.

Взгляды всех присутствующих были прикованы к Ханне, сама же она переводила глаза с Йорна на Бастиана. Стоя между этими двумя мужчинами, она почувствовала, что утрачивает контроль над ситуацией. Вернуть его можно было только одним способом.

– Через месяц я напишу детектив, который будет лучше всех когда бы то ни было выпущенных тобою.

Заявление Ханны стало сюрпризом для многих, в том числе для нее самой. Круто развернувшись, она твердым шагом пошла прочь от Йорна, от всей этой публики, журналистов. Некоторые последовали за ней, молниеносно среагировавший Бастиан оказался в числе первых. В атмосфере витало данное Ханной обещание.

4

Ханна едва успела поднести зажигалку к сигарете, как в подсобке за стендом появился Бастиан. Судя по тишине у него за спиной, ему удалось стряхнуть с хвоста преследователей.

– Это самый блестящий из всех маркетинговых ходов, которые мне доводилось видеть! Сотни тысяч экземпляров этой книги уже, считай, проданы, задолго до ее фактического появления!

Ханна взглянула на него.

– Дерьмо!

После первой же затяжки Ханна затушила сигарету.

Бастиан тяжело вздохнул – он прекрасно ее знал.

– Ты и не собираешься писать эту книгу?

– Я просто-напросто не могу. Это же детектив, а я пишу интеллектуальную прозу. Я не могу придумать даже простенькую любовную историю.

– А если все же сможешь?

– И что? Тогда это будет самый плохой в мире детектив.

– Почему сразу плохой? Плохо ты писать не умеешь.

– Ты ко мне подлизываешься в надежде на прибыль.

Бастиан положил руку ей на плечо.

– Ты напишешь хороший, совсем другой детектив. За месяц. Он будет хорошо продаваться. Ты уже донесла свою точку зрения и до Йорна, и до всего литературного мира – ты положила начало дебатам. Потом ты вернешься к своим романам, которые вдруг, в одночасье, вызовут в народе широкий интерес. Отныне все, что бы ты ни написала, будут читать и обсуждать. Люди начнут читать твои прежние книги, «Я прихожу в тишине» будет переиздана. Ты обязательно оставишь свой след в истории датской литературы.

Ханна смотрела прямо перед собой невидящим взглядом: постепенно она начинала видеть себя в новом свете.

– Может, я и сумею написать хороший детектив, но уж никак не за месяц. Ведь в этом-то как раз и суть: плохие детективы плохи потому, что пишутся впопыхах и поверхностны, если говорить о языке и содержании. Такой я бы, вероятно, смогла написать за месяц.

– Если справишься, то качество будет не так уж и важно. Равно как и содержание. Главное, чтобы слова «любой идиот сможет за месяц написать детектив» оказались правдой. Это заставит увидеть данный жанр в ином свете.

– А нужно ли вообще тратить бумагу, чтобы печатать на ней плохие книги? Ведь они же не будут стоить потраченной на них древесины.

– Через сто лет твои романы войдут в программу всех гимназий.

Ханна задумалась.

– Мне не пишется.

Бастиан смерил ее внимательным взглядом.

– Твое вдохновение остро нуждается в новых впечатлениях, в новой обстановке.

– Я только что побывала в Берлине и за две недели там написала четыре страницы.

– Тогда стоит попробовать что-то иное: побыть на природе, в тишине. Тебе просто необходимо отправиться в Исландию.

Ханна взглянула на него с изумлением.

– Почему именно в Исландию?

– У меня там есть кое-какие контакты. Подруга семьи, женщина, у которой ты сможешь остановиться. У нее там большой дом в крохотной деревушке. Отправившись туда, ты ока-

жешься в полной изоляции от мира – обретешь время и покой для того, чтобы писать. А спустя месяц вернешься с готовым детективом.

– А что, если нет?

– По крайней мере, это будет честной попыткой.

Бастиан полез в свой телефон. Ханна еще раз взвесила ситуацию. У нее было такое чувство, будто она достигла какого-то судьбоносного момента в своей жизни. И почему считается, что все решения следует принимать заблаговременно? Вот, пожалуйста, тебе представляется прекрасная возможность. Хотя, конечно, все может обернуться и трагической ошибкой. Бастиан оторвался от телефона.

– Отправляйся домой и собирай сумку. Через четыре часа ты должна быть на борту самолета, вылетающего в Рейкьявик.

5

Багажный транспортер тяжело вздохнул и включился, издав при этом металлический скрежет, который, по-видимому, обещал скорое воссоединение чемоданов со ждущими их владельцами. Народ столпился у отверстия в самом начале ленты, которое с неравными промежутками выплевывало очередную порцию вещей. Ханна ожидала свой багаж в гордом одиночестве поодаль от людской толкотни. Как будто никто не понимает, что вещи движутся по транспортеру по кругу и потому удобнее всего распределиться равномерно по всей длине ленты. Черт возьми, да ведь это предусмотрено самим дизайном транспортера. Скрестив на груди руки, она рассматривала своих попутчиков. Куда они так спешат, чего боятся? Что кто-то другой подхватит принадлежащий ему туго набитый нестираным бельем чемодан – точную копию своего собственного?

Их совместный утренний полет протекал, так сказать, наперегонки с темнотой, учитывая часовую разницу во времени. В полете у Ханны вдруг появилось едва ли не поэтическое чувство общности с окружающими. Такое с ней случалось крайне редко. А здесь она ощущала себя частью группы: мы все болтаемся высоко над землей и если грохнемся, то и умрем все вместе. Мысли об общей смерти преисполнили душу Ханны смирения. Теперь же попутчики, живые и здоровые, казались ей стаей гиен, окруживших тушу мертвого животного. В борьбе за багаж чувство общности мгновенно испарилось.

Она тащила за собой свой черный кофр. Одно колесо было сломано, так что чемодан постоянно с шумом заваливался на правую сторону. Еще несколько поездов назад от него следовало избавиться. Ханна огляделась по сторонам, пытаясь создать себе первое впечатление об Исландии. Что касается интерьера самого аэропорта, отличий от Дании было немного. Как, впрочем, и от всех прочих аэропортов во всем мире: бетон, металл, стекло. Прекрасно дополняющие друг друга. Быть может, все зоны прилета настолько однотипны, чтобы не сразу было понятно, в какую страну ты прилетел. Может, это форма плавного перехода: всего лишь несколько часов назад ты был в другой стране, теперь ты здесь, но вокруг то же самое. Своего рода шлюз, чтобы человеческий мозг успел приспособиться, привыкнуть. Или же, может, потому, что большинство путешественников боятся незнакомых мест. В то же время Ханна вынуждена была констатировать, что нейтральность интерьеров национального аэропорта Кефлавик⁴ компенсируется наличием в нем национальной символики: магазины беспошлинной торговли с национальными флагами, сувенирами, шоколадками в форме зданий, открытками с фотографиями торфяных хижин или водопадов. Исландская водка, исландские сладости. Ну кому, положи руку на сердце, может понадобится бейсболка с рогами и исландским флагом? Проходя мимо магазина, она скосила глаза: разумеется, американские туристы. Ханна почувствовала, как справа из-под мышки по боку покатилась капля холодного пота. Надо бы как-то поскорее выбираться из здания аэропорта. Энергично рванув чемодан, она заставила его катиться по нужной траектории к выходу из здания в надежде на то, что ее квартирная хозяйка Элла уже ожидает снаружи. Так обещал ей Бастиан.

У выхода из зала прилета ее никто не встречал. Ханна с сожалением подумала о том, что, наверное, зря она решилась на этот проект. Она дважды обошла парковку, таща за собой полудохлый чемодан, и не торопясь выкурила две сигареты у дверей аэропорта. Места их назначенной встречи. Однако Элла здесь так и не появилась. Поежившись, Ханна зашла под навес и посмотрела на небо. Оно было сплошь серым с многочисленными оттенками. Начался дождь. Воздух здесь не казался таким свежим, как было ей обещано. Куда же запропастилась эта Элла?

⁴ Кефлавик – международный аэропорт в Исландии, расположенный в 50 км от Рейкьявика.

Внезапно Ханну посетила довольно неприятная мысль: а что, если никакой Эллы вовсе нет? И не существует никакого жилья, где бы она смогла писать. Вдруг все это подстроено Бастианом, чтобы избавиться от нее? Нет, он бы этого не сделал. Скорее уж Элла умерла от остановки сердца – она же ведь старушка. Какого черта, неужели ее квартирная хозяйка лежит мертвой где-то в кювете? Замерзшие пальцы долго возились с зажигалкой. Наконец Ханне удалось прикурить, она сделала глубокую затяжку, ненадолго задержала дым в легких и резко выдохнула. Внимание ее привлекла странная скульптура из стали и стекла, переливающаяся всеми цветами радуги. Скульптура поворачивалась вокруг своей оси, и верхняя часть ее казалась незавершенной, как будто сначала она хотела было дотянуться до самого неба, но потом передумала. Кстати, еще не поздно вернуться. «Исландэйр»⁵ выполняет челночные рейсы, так что она вполне может попытаться сесть в тот же самолет, которым она сюда прилетела. Может даже взять билет на то же самое место.

Внезапно Ханна обратила внимание на внедорожник, который как бы прочесывал автомобильную парковку; похоже, он искал здесь потерявшуюся датскую писательницу. Ханне показалось, что за заляпанным грязью ветровым стеклом она узнает женщину, чью фотографию мельком показывал ей Бастиан. Ханна помахала рукой, стараясь привлечь к себе внимание; прошло некоторое время, прежде чем ей это удалось. Ханне показалось, что она видит, как губы сидящей в машине дамы растянулись в улыбке, и джип покатился в ее направлении и наконец остановился. Из машины ловко выбралась Элла, внешний вид ее, мягко говоря, поражал своей неординарностью. Рыжие крашенные волосы, золотые украшения, яркая помада. Одетая она была в серую флисовую кофту, на ногах деревянные башмаки. Под мышкой у дамы торчал кусок старого картона, на котором красовалась сделанная красной тушью надпись «Дабро пажаловать, Ханна». Вытянув руку, дама подняла табличку, расцвела в очаровательной, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, улыбке и, указывая на себя, представилась:

– Элла.

Ханна протянула ей руку. Ей было известно, что в Исландии датский язык вроде бы входит в обязательную школьную программу, однако она также прекрасно знала, что это миф, будто все исландцы говорят или понимают по-датски. Не желая показаться тупой и невежливой, она решила, что весь следующий месяц будет обходиться английским.

– Hello, I am Hanna. Thank you for letting me stay at your house⁶.

Элла что-то быстро залопотала по-исландски, замахала руками и начала дергать чемодан Ханны, который размерами не уступал ей самой. Ханна быстро разобралась в ситуации: Элла не знает ни датского, ни английского! Мысленно она готова была прибить Бастиана за то, что он утаил от нее эту информацию. Причем сделал это, подозревала она, умышленно. Знай это Ханна заранее, она бы с места не сдвинулась. Однако теперь она уже была здесь. Ханна взялась за чемодан, который уже, похоже, одержал верх над маленькой дамой.

– Это я возьму сама.

Внедорожник оказался джипом «Чероки». Увидев обшарпанные сиденья и радио с кассетным магнитофоном, Ханна констатировала, что он перестал считаться новым уже много лет назад. Так-так-так, брррум, так-так-так, брррум. Мотор выводил свою собственную мелодию, звучащую, как прощальная песнь. Ханна встревоженно косилась на Эллу, которая была полностью сосредоточена на вождении и не обращала никакого внимания на очевидные перебои в работе двигателя. Может, она просто к этому привыкла. Ханна вздохнула. Если впереди их и ждет гибель в автомобильной аварии, то повинным в ней окажется, скорее всего, не автомобиль, а водитель. Взгляд Ханны перебегал с вышитой диванной подушки, которую

⁵ «Исландэйр» – исландская авиакомпания.

⁶ «Здравствуй, я Ханна. Спасибо, что позволила мне пожить в твоём доме» (англ.).

Элла подложила под себя, чтобы оказаться на уровне ветрового стекла, на очки с толстенными линзами, красовавшиеся на носу старой дамы. Кстати, носом своим Элла едва не задевала ветровое стекло, так что на нем даже появлялись и исчезали пятнышки в такт ее дыханию. Ханна подумала, что, по-видимому, в Исландии для замены водительского удостоверения вовсе не требуется предоставление медицинской справки. Ну да для замены прав Элла была еще не настолько стара. А после того, как они, обгоняя «Мерседес», чудом избежали столкновения с идущим навстречу автобусом, Ханна стала сильно сомневаться в том, что у Эллы вообще есть права. 110 км/час. По проселочной дороге. Может, и впрямь ей лучше погибнуть? Хоть не нужно будет писать этот детектив.

Звук двигателя явно говорил о том, что он на грани коллапса. Ханна подалась вперед всем телом и указала на капот машины куда-то в районе радиатора, надеясь пояснить, что речь идет о моторе, а затем зажала уши. Элла кивнула – мол, я все и так знаю. Сказала что-то по-исландски.

Затем Элла включила радио, врубила на всю мощность «Another Day in Paradise» Фила Коллинза⁷ и принялась с довольным видом раскачиваться из стороны в сторону в такт льющим из динамиков звукам рока. При этом руки ее крутили руль, так что автомобиль двигался вперед, выписывая какие-то бешеные зигзаги. Ага, выходит, решила заглушить кашляющий мотор более громкими звуками. Превосходно! Если Ханна и ненавидела кого-то больше, чем Йорна Йенсена, то это был Фил Коллинз. Нет уж, увольте, этот саундтрек ни за что не станет для нее реквиемом. Она достала телефон и набрала номер. Бастиан тут же взял трубку. Поздороваться Ханна не удосужилась.

– Мне нужно, чтобы ты заказал мне обратный билет.

– А что, Элла не приехала?

– Она завезла нас в кювет, и нас зажалю в горящей машине. Я не чувствую ног.

– Насколько я могу судить, Исландия уже дала тебе толчок к сочинительству. Элла прелесть, не находишь?

– Почему ты мне не сказал, что она не говорит по-английски? И водит как сумасшедшая, и без ума от Фила Коллинза?

– Но ведь Фил Коллинз действительно хорош.

– Прекрати. Все это ни в какие ворота не лезет. Не понимаю, что со мной случилось, – просто какое-то размягчение мозгов. Однако я точно знаю, что завтра утром есть самолет до Копенгагена и я должна им улететь обратно.

– А что с романом?

– С детективом.

– Он что, напишется сам по себе?

– Надеюсь. Мне и вправду очень жаль, но я его для себя не вижу. Я хочу домой.

Ханна услышала, как где-то там, в Дании, Бастиан тяжело вдохнул.

– Посмотрю, что смогу сделать.

Ханна с досадой нажала «отбой». В полном отчаянии она бормотала себе под нос разного рода ругательства:

– Черт, черт, черт! Вот ведь дерьмо какое!

Элла резко затормозила и выключила радио. Они стояли на обочине.

– Что случилось?

Ханна выпрямилась и огляделась по сторонам, не понимая, в чем дело. Тем не менее она почувствовала, что настроение в машине резко изменилось.

---

⁷ Фил Коллинз (р. 1951) – английский рок и поп музыкант, участник группы «Генезис».

Элла сидела, глядя прямо перед собой. Довольно долго. Затем перегнулась через Ханну, открыла бардачок и отыскала в нем клочок скомканной бумаги и ручку. С сосредоточенным видом принялась что-то писать. Длилось это минуту. Будто ей приходилось извлекать слова откуда-то из глубин памяти. Потом показала написанное Ханне. Та прочла – некую смесь датского с норвежским.

– Ты много ругаешься и непрелично выражаешься.

Ханна перечитала записку. Родной язык было трудно узнать. Затем она взглянула на Эллу, чувствуя, что внутри у нее все сжалось.

– Так ты говоришь по-датски?

Элла снова принялась писать. На этот раз слова она подбирала быстрее.

– Я понимаю. И нимного пишу.

Неприятное чувство в душе у Ханны нарастало. Она выдержала едва ли не театральную паузу.

– Я и хорошие слова тоже знаю.

Элла написала:

– Вот и гавари так.

Ханна снова взглянула на нее. Она впервые увидела, какие у Эллы глаза. Лучистые, светло-зеленые. Как же она не обратила внимания на такие необычно яркие зеленые глаза? Ханна кивнула.

Элла завела машину, и они продолжили путь. Ханна отвернулась к окну и принялась рассматривать окружающую природу – прежде ей было как-то не до этого. Автомобиль пожирает оставшиеся им километры, дальнейший путь проходил в молчании. Так-так-так, брррум, так-так-так, брррум. Почти в тишине.

Шесть часов. Ханна читала, что именно столько времени занимает дорога до рыбацкого поселка Хусафьордур, которому предстояло стать ее домом на следующий месяц. Она могла бы проделать весь путь по воздуху, воспользовавшись рейсом внутренних авиалиний, однако Элла настояла на том, что встретит ее в аэропорту Кефлавик. Ханна раздумывала, не слишком ли затянулась пауза, которую выдерживала Элла, но не решалась спросить об этом. Ханна покосилась на своего водителя. Та, казалось, нисколько не устала. Ханна откинулась на спинку, готовясь провести весь этот многочасовой путь на жестковатом сиденье джипа. Прочь из города, вглубь этой неосвоенной страны. Они оставили позади себя расстилавшуюся с запада равнину со следами застывшей лавы, напоминавшую лунный пейзаж, и продвигались на юго-восток, где природа была более разнообразна. Хотя в расцветке осенних полей и преобладали желто-коричневые цвета, здесь еще оставалось немало зелени. Для Ханны стало сюрпризом, что Исландия такая зеленая страна, даже сейчас, когда дело идет к зиме. Лишь горы, казалось, были верны времени года: они с легкостью возносили снежные вершины в самое небо. Ханна любовалась ими с таким восхищением, которое может испытывать лишь тот, кто прибыл из страны, где вовсе нет гор. Как писатель она просто обязана пребывать в эдаком симбиозе с природой, которая в свою очередь должна была вдохновлять ее на патетические строки. Однако в нее природа вселяла некий страх, и потому в своем творчестве она всегда предпочитала апеллировать к внутреннему миру человека. Не потому, что писать о людях легче, чем о природе, а потому, что она считала это гораздо более естественным, аутентичным.

Хотя со времени приземления прошло всего два часа, сумерки уже начали сгущаться, и наступала темнота. Ханна вспомнила, ей где-то приходилось читать, что день здесь в это время года длится недолго, но чувствовала себя не вполне готовой к тридцати дням тьмы. Тяжело вздохнув, она в очередной раз посмотрела сквозь грязное окно на окрестности, желая оценить пейзаж. У нее возникло смутное ощущение, что в сумерках здесь еще красивее.

Друг с другом они так и не заговорили. Элла была всецело сосредоточена на дороге, а также слушала радио – некий мужчина говорил что-то по-исландски. Ханна различала какие-то обрывки знакомых слов, но общий смысл был ей непонятен. Она не стала брать на себя инициативу начать беседу – так и не овладела искусством произносить дежурные любезности в достаточной мере для того, чтобы без мучительных пауз поддерживать общение с незнакомым человеком. Светская беседа. И как ее ведут люди? Вместо этого она стала думать о том, что читала. Об Исландии. О Хусафьордуре. В деревушке всего около тысячи двухсот жителей из тех трехсот шестидесяти тысяч, что обитают во всей Исландии. Теплоснабжение, а также выработка большей части используемого электричества происходят за счет геотермальной энергии. Другими словами, это страна с весьма устойчивым, стабильным развитием. Когда-то Хусафьордур жил исключительно за счет рыболовства, однако теперь еще одним источником дохода стал туризм.

Исландия всегда представлялась Ханне страной, жители которой, пусть и в легкой степени, страдают манией величия; что являлось тому причиной – вулканы, водопады или саги, – она не знала. Однажды ее пригласили на вернисаж одного исландского художника, писавшего миниатюрные литографии, и среди собравшихся она оказалась единственной датчанкой. Весь вечер она провела в компании, где говорили исключительно по-исландски, хотя все прекрасно знали английский, а большинство и датский. Нельзя сказать, чтобы по отношению к ней кто-то вел себя недружелюбно, нет, напротив, ей кивали и любезно улыбались. А будучи немногословной, Ханна и сама редко чувствовала себя частью общества. Если бы в тот вечер ей удалось увидеть со стороны безмолвную саму себя, она наверняка сочинила бы увлекательную историю о том, кто она такая. Потягивая красное вино, она сидела и слушала, не понимая ни слова, однако при этом ощущая, насколько присутствующие переполнены чувством гордости. Не той характерной для датчан гордости, основанной на комплексе нации-лилипута и гласящей: «Мне необходимо самоутвердиться». Нет, эта гордость, основанная на уверенности в себе, казалась у них врожденной. То, что в нулевые эта чрезмерная самоуверенность обернулась безответственной финансовой политикой и шальными инвестициям и грозящими ввергнуть вулканический остров в пучину бедности, стало обратной стороной медали.

«Хусафьордур» – значилось на табличке, к которой они подъехали. В темноте трудно было окинуть взглядом весь поселок целиком, однако Ханне удалось разглядеть стоящие на порядочном расстоянии друг от друга дома, которые как бы отделяли равнину от морского побережья. Она также констатировала, что построена деревня была во время экономического подъема шестидесятых со всеми атрибутами характерной для них малопривлекательной бетонной архитектуры. Да, не таким в ее представлении было идиллическое гнездо писателя. А каким, спрашивается? Глиняной хижинкой с покрытой мхом и лишайником крышей, как на почтовых открытках в аэропорту? Они обогнали подростка, катящего на велосипеде без фонарика, проехали мимо закрытой бензозаправки. Все признаки провинции. Зазвонил ее телефон. Это был Бастиан.

– Ну что?

– На завтрашний утренний билеты закончились, но вечером в 20.00 можешь вылететь рейсом SAS с промежуточной посадкой в Осло. Место было найти трудно, так что имей в виду, расходы на эту прогулку будут вычтены у тебя из гонорара.

– Какого еще гонорара?

– Ладно, прекрати. Так ты летишь или нет?

Джип подъехал к дому, стоящему на отшибе посреди поля. Элла заглушила мотор. Ханна попыталась рассмотреть обнятое тьмой и тишиной жилище Эллы. Построенный из дерева двухэтажный дом был старше своей хозяйки и, по мнению Ханны, слишком велик для одного человека. За обрезом крыши в небе висел полумесяц и виднелось усыпанное звездами небо.

Ей вдруг пришло в голову, что вот уже много лет она толком не видела звезд. В городе легко забываешь, что они вообще существуют.

В телефоне раздалось покашливание.

– Кредитка у меня в руках, а палец готов нажать на клавишу. Так что, мне подтверждать заказ билета?

В голосе Бастиана звучали нотки недовольства.

Ханна взглянула на дом, подумала о том, какие новые неизвестные возможности для нее все это может открыть. Прошло мгновение. Она сделала глубокий вдох и внезапно ощутила прилив спокойствия.

– Ладно, не подтверждай. Получишь ты через месяц свой детектив.

Открыв дверцу, она вышла из машины.

6

Чтобы войти в дом, ключ Элле не потребовался. Сначала Ханна подумала, что дверь дома не заперта по причине забывчивости пожилой дамы, однако по той непринужденности, с которой хозяйка пригласила ее войти внутрь, она поняла, что дом не был заперт вовсе не случайно. Хусафьордур был тем местом, где никому и в голову не приходило запираť свои двери. Элла небрежно скинула свою кофту на комод и, как показалось Ханне, прямо-таки скользнула из узкой прихожей в помещение, которое, по-видимому, служило гостиной. Сама Ханна с трудом втащила свой чемодан внутрь и скинула пальто и туфли, разместив их соответственно на крючке и на полу. И то, и другое отлично вписалось в прихожей, как будто было тут всегда. Она принялась к запахам жилья – пахло каким-то необъяснимым уютом. Ханна прошла вглубь дома, ступая по полу, покрытому толстым ковром, и втянула чемодан, колеса которого оставляли за собой следы.

– *Petta er mitt heimili*⁸.

Элла сделала жест рукой, демонстрируя госте свое жилище. Ханна огляделась по сторонам. Конструкция дома была простой: несущие деревянные столбы от пола до крыши, которую поддерживали поперечные балки. Обитые досками стены были выкрашены в синий цвет, потолок – в белый. Ханна решила, что и пол здесь наверняка тоже деревянный; он был устлан огромным, от стены до стены, толстым ковром. Очевидно, Элла очень любила этот ковер – либо исходя из эстетических соображений, либо поскольку он прекрасно согревал ноги. Почувствовав, как ее пальцы погружаются в мягкую желто-коричневую шерсть, Ханна подумала, что, скорее всего, решающим было последнее обстоятельство. Помещение оказалось просторным и совмещало в себе гостиную и кухню; тут также было выделено место для швейной машинки. При дневном свете здесь наверняка было весьма светло, поскольку на две длинные стены приходилось четыре окна с фрамугами. Разумеется, не могло быть и речи ни о какой экономии тепла – ноябрьский холод с легкостью проникал внутрь сквозь такие окна. Ханна поежилась и заметила батарею, регулятор стоял на максимуме. Она вспомнила, что за счет избытка термальной энергии в стране исландцы могут отапливать свои дома практически бесплатно. Тем не менее Элла разожгла небольшой камин и поворошила объятые пламенем дрова специальными щипцами, что вызвало сноп искр, на которые она не обращала никакого внимания. Понемногу по комнате разлилось тепло, и Ханна почувствовала, как тело ее блаженно расслабилось. Приглядевшись, она стала обращать внимание на интересные детали интерьера. Кресло-качалка, изготовленное отнюдь не в нашем, да и не в предыдущем веке, древние орудия труда, деревянные и металлические, украшающие собой стены. Было здесь и нечто, похожее на выставленную напоказ сокровищницу какого-то коллекционера: застекленный шкаф, наполненный фигурками слонов, изготовленными из фарфора, стекла и дерева. Ханна подошла поближе к шкафу, содержимое его, по-видимому, собирали в течение целой жизни. Фигурки были самыми разнообразными – абстрактными, натуралистичными, карикатурными. Одна из них в особенности привлекла внимание Ханн. Это был слон-самец, вырезанный из какого-то неизвестного ей дерева в строго реалистической манере. Хобот его свисал до самой земли, задняя правая нога согнута, как будто он отдыхал. Ханне показалось, что вид у него печальный.

– *Minn uppáhalds*.

Ханна вздрогнула, обернулась и обнаружила, что Элла стоит прямо у нее за спиной. Она с недоумением посмотрела на свою хозяйку. Элла взяла лежащую на столе газету, ручку и написала на полях:

– Мой любимец. Я купила его в Индии.

---

⁸ *Вот мой дом (исл.).*

Ханна удивленно взглянула на нее:

– Ты была в Индии?

Элла снова принялась писать:

– Я пабывала во многих странах. Люблю слонов. Они могут переносить целые семьи.

Ханна еще раз обвела взглядом комнату и внезапно поняла, что ее беспокоит. Отсутствие фотографий.

– У тебя нет детей?

Элла покачала головой и написала:

– К сожалению.

Однако Элла вовсе не выглядела расстроенной. Знаком предложив Ханне подождать, она ненадолго удалилась, а когда вернулась, в руках у нее был портрет подростка. Ханна взяла фотографию и с откровенным любопытством принялась ее разглядывать; вообще-то она не любила снимки посторонних людей, которые были по какой-то причине дороги ее знакомым, но изображение этого мальчика чем-то необъяснимо ее притягивало. Ей понравилась вовсе не внешность: светлые волосы, темные брови и характерные для исландцев высокие скулы делали его красивым, но не более. Если что и поразило ее на фотографии, так это его манера держаться. Никакого кокетливого позерства, то, что в нем привлекало в первую очередь, можно было определить как спокойную уверенность в себе. А еще его взгляд. Глаза у него были такие же зеленые, как у Эллы, и смотрели они пронзительно, требовательно. Элла кивнула на портрет:

– Frændi.

– Друг?

Снова отрицательное покачивание головой. Элла немного подумала, словно извлекая из глубин памяти нужное датское слово, затем взяла газету и написала на полях:

– Племянник. Тор.

Ханна понимающе кивнула.

– Он живет тут, в поселке?

Кивок в сопровождении еще одной строчки:

– Вся моя семья живет здесь.

– Это ведь здорово.

Элла пожала плечами, Ханна не совсем поняла, как следует толковать ее жест. Собственно говоря, Ханна была с ней полностью согласна: если бы с ней самой в такой крохотной деревушке проживали все члены ее семьи, она бы уже давно прыгнула с «Круглой башни»⁹. Отрадно сознавать, что у тебя есть родители – где-то там, на расстоянии, а также сестра, – и лучше бы она жила где-то еще подальше, чем в Рингстеде¹⁰. Встречались они только по торжественным поводам или в случае каких-нибудь неожиданных событий, все же прочие контакты по общему молчаливому согласию прервались уже много лет назад. Никаких особых причин для этого не существовало – просто все они были настолько разными, что это не могли компенсировать никакие родственные узы. Прекрасно понимая, что думать так непозволительно, Ханна все же довольно часто фантазировала, что было бы, если бы сестры, ее мужа, их детей, а также ее собственных родителей вовсе не существовало. Тогда бы она смогла ощущать себя абсолютно свободной, ни на секунду не задумываясь о том, как они сидят в трясине своих садово-огородных частных домиков и судачат на ее счет. Она знала, что все они называют ее пропащей. Племянница проболталась, сама не понимая значения слова. Знала также, что никто из них не удосужился прочесть ни единой ее книги. А кроме того, дети у сестры уродли-

---

⁹ «Круглая башня» – обсерватория в Копенгагене в составе комплекса зданий Копенгагенского университета, возведенного в середине XVII века.

¹⁰ Рингстед – датский муниципалитет, расположенный в центре острова Зеландия.

вые. Разумеется, говорить так напрямую было не принято, однако она уже много раз намекала на это. Однажды даже будучи не пьяной.

– Моя комната наверху?

Ханна показала на лестницу. Элла выглядела слегка разочарованной. Быстро достав из выдвижного ящика коробку конфет, а из шкафа кулек с кофе, она продемонстрировала их Ханне. Та поблагодарила кивком, однако затем отрицательно покачала головой. Она устала и, несмотря на любезность хозяйки, чувствовала, что впечатлений на сегодня уже достаточно. Интересно, кстати, а как с завтрашним днем? Предложение конфет и кофе все еще будет в силе? Ханна вовсе не была настроена сейчас на долгий разговор с Эллой, тем более что все свои реплики та писала на краях старых мятых газет. Сложно беседовать, когда общение получается, так сказать, односторонним. А познакомиться с человеком без нормального разговора представлялось Ханне задачей близкой к невыполнимой. Кроме того, в чемодане у нее лежало несколько бутылок красного вина, и мысленно она уже множество раз с момента прибытия откупоривала одну из них.

Элла с конфетами и кофе в руках снова вопросительно посмотрела на нее.

– Нет, спасибо, я невероятно устала, да и вещи распаковать не мешало бы. Надо подготовиться, ведь уже завтра мне предстоит масса работы.

Произнеся последнюю фразу, Ханна сама себе удивилась: она вовсе не должна оправдываться и объясняться, лукавить по поводу соблюдения трудовой дисциплины. Тем не менее у нее было такое чувство, что она Элле все-таки что-то должна. Пожав плечами, Элла отложила в сторону кофе и конфеты и повела Ханну вверх по лестнице. Как все в этом доме, она была массивной, прочной, сделанной из дерева, и слегка пахла старым кораблем.

В небольшой мансарде, прямо над кроватью, висело распятие. Ханне показалось, что у пронзенного копьем Иисуса какой-то особо страдальческий вид. На картине, висящей справа от него, похожей на сувенир из какой-то католической страны, была изображена целомудренно молящаяся Дева Мария. Ханна кивком поприветствовала своих будущих соседей по комнате.

– Ты религиозна?

Отрывистый ледяной смешок прозвучал в ответ настолько неожиданно и резко, что Ханне пришлось приложить немалое усилие, чтобы не вздрогнуть. Элла схватила блокнот, который Ханна только что выложила на ночной столик. Ханна потянулась было за ним, однако опоздала: полистав тетрадку и найдя чистый листок, Элла нацарапала какую-то фразу и показала ей страницу:

– Может, я и стану религиозной, когда появится религия, которая будет презнавать женщин. А от вида проткнутых копьем голых мужчин мне просто спокойнее спать по ночам.

Ханна усмехнулась и кивнула на картину. Может, с Эллой у нее гораздо больше общего, чем ей поначалу казалось?

– Ну, а как же Дева Мария?

Элла улыбнулась, как бы давая понять, что и сама считает все это глупостью, и написала:

– Тор привез ее дамой для миня из Испании. Он был уверен, что я висьма набожная.

– А тебе жаль было его разубеждать?

Элла кивнула. Резко развернувшись, как будто вспомнила что-то, она открыла старый бельевой шкаф, порылась в нем, достала два полотенца и положила их на застеленную кровать.

– Спасибо.

Подумав о непечатой бутылке красного вина, Ханна переступила с ноги на ногу. Элле пора было уходить.

– Что ж, я действительно очень устала. Спасибо тебе.

Элла выдвинула ящик ночного столика. Ханна, откровенно говоря, уже начала терять терпение. Ну а теперь-то, что? Элла извлекла из ящика книгу в твердом переплете и вложила ее в руки Ханне.

– Hrafnkels saga Fresgoða.

Ханна с удивлением посмотрела на книгу: обложка цвета морской волны, золоченые буквы датского названия, изображение средневекового всадника на лошади, вставшей на дыбы. «Сага о Равнкеле Фрэйсгодесе». Она повертела ее в руках, ощупала. Элла начала писать в блокноте:

– Ты пишешь книгу об убийстве. В исландских сагах гаварится об убийствах, мести, чести. Лутчие в мире истории. Исползуй их.

Прочитав написанное, Ханна ощутила легкое раздражение. Ну разумеется! Пожилая дама пытается всучить ей готовые сюжеты, да еще из исландских саг. Как будто сама Ханна не в состоянии ничего придумать, как будто Элла в этом лучше нее разбирается. И почему, скажите на милость, Элле вздумалось писать в ее блокноте? Ведь это ее святая святых, ее сокровищница, проверенный и близкий друг. Ханна выхватила блокнот из морщинистых пальцев и, демонстративно повертев в воздухе сагу в богатом переплете, со снисходительной усмешкой заметила:

– Большое спасибо за плодотворную идею. Я непременно полистаю это на сон грядущий.

Поняв намек, Элла попятилась к двери. Она покосилась на блокнот, но поняла, что данное средство коммуникации отныне ей недоступно. Напоследок она изобразила на лице характерную улыбку, которая на всех языках мира означает одно: «скажи, если тебе что-то понадобится». Ханна улыбнулась в ответ: нет, ей ничего не нужно. И прежде всего подсказок относительно сюжета книги. За свою писательскую жизнь она успела усвоить, что почти у всех окружающих есть свои замечательные идеи по поводу сюжета, а многие даже пытались использовать ее для претворения этих идей в жизнь. Однако она вовсе не механизм для записи чужих идей. Вдохновение непременно посетит ее. Ханна закрыла за Эллой дверь и опустилась на кровать, чувствуя себя усталой настолько, что даже желанное красное вино пить расхотелось.

Ощущая всем телом некое беспокойство, Ханна лежала без сна на слишком мягкой, вызывающей раздражение кровати, и созерцала царящую за окном тьму. Побаливала спина – по-видимому, с ней начинаются проблемы. Распятие она сняла и положила в ящик ночного столика, а вот изображение Марии почему-то оставила. Может, нравилось сознать, что кто-то на тебя смотрит? Она заворочалась, стараясь отодвинуться от углубления в матрасе. Так о чем же будет этот детектив? Она отправилась в Исландию без единой мысли на этот счет – вероятно, считала, что идеи появятся, стоит ей только приехать сюда. Но вот она уже прибыла на место и даже успела поселиться, а искры вдохновения как не было, так и нет. Что-то связанное с убийством. И с тем, кто его раскрывает. Так просто. Она снова заворочалась. Ох! Она лежит тут в этой ненормально мягкой постели и пытается что-то придумать. Между тем это невероятно сложно, тем более что единственное, о чем она в состоянии сейчас думать, – это неоткупоренная бутылка вина, из которой ей так хочется извлечь пробку. А еще о боли в пояснице, да и во всей спине, – напоминание о том, что смерть бывает и мучительной. Она прислушалась – унылая пустота, тишина, вгрызающаяся в каждую клеточку тела.

В 2.34 она сдалась: встала с постели, порылась в чемодане, достала бутылку и предусмотрительно захваченный штопор и открыла вино. Сделав глоток прямо из горлышка, она присела к письменному столу и еще раз оглядела свою комнату. Кровать в нише, образованной скошенными стенами и потолком, рядом с ней ночной столик, возле окна – письменный стол. Кроме этого здесь был шкаф, еще один стул и небольшой комод. И ничего больше. Ханне комната нравилась, ей приятно было думать, как она будет здесь работать. Писать. Она провела

ладонью по крышке письменного стола, взглянула в окно. Здесь она и напишет свой детектив. В объятиях иссиня-черной ночи.

7

Ханна пробудилась под шипенье жарящегося бекона и вдохнула запахи наступающего дня. Нехотя потянулась. Почувствовала отток крови от головы из-за того, что слишком резко сбросила ноги с кровати на пол, стремясь поскорее встретить свое первое утро в Исландии. Ей даже пришлось схватиться за спинку кровати, однако уже через мгновение туман в голове рассеялся и баланс тела восстановился. Когда зрение вновь обрело четкость, она бросила взгляд на стоящую на письменном столе бутылку вина. Пустая. Ханна завернула бутылку в полотенце и сунула в чемодан на самое дно, замаскировав образовавшийся ком ворохом одежды. Собственные действия озадачили ее – никогда прежде ей не приходилось прятать следы своего пристрастия к алкоголю. Снизу слышалось, как Элла насвистывает какую-то мелодию.

– Доброе утро.

Лестница закричала под весом ее тела. Ханна только что приняла душ и изо всех сил пыталась изображать утреннюю бодрость, от которой, однако, как она опасалась, могло не остаться ни следа к тому времени, как она спустится в кухню. Вид искренней радости гостеприимной хозяйки и огромного стола, уставленного разнообразными блюдами, притупил жало сидящего в душе Ханны циника. Может, накануне ей стоило вести себя с Эллой приветливее?

– Прекрасно пахнет! Что ты готовишь?

Задав вопрос, Ханна с любопытством посмотрела на стол. Множество блюд с едой были расставлены по всему кухонному столу. Ханна подумала, что, вероятно, этого угощения вполне хватило бы, чтобы накормить всех местных жителей, и испугалась, что сюда вот-вот явится комитет по торжественной встрече. Сразу же возникла головная боль – выпитое вчера давало о себе знать. Элла ловко перевернула лопаткой яйцо на сковородке, а второй рукой, улыбаясь, подтолкнула поближе к Ханне листок бумаги. Ханна посмотрела на него. Меню.

– Allt það besta¹¹.

Если Элла и была расстроена вчерашним ее отказом, то теперь она, по-видимому, обо всем забыла. Или же искусно делала вид, что забыла. Энергия в ней была ключом. Может, потому, что плохая компания все же лучше, чем одиночество.

– Что, ожидаются гости? Еды тут достаточно, чтобы накормить среднего размера лагерь беженцев.

Элла покачала головой и нацарапала на листке с меню:

– Ты здесь единственный беженец.

И единственный, кому предстоит справляться с рыбными шариками, творогом и сыром, подумала Ханна, читая на листочке список блюд и прикидывая, не удастся ли сослаться на отсутствие аппетита по утрам. Пожалуй, все же не стоит.

– Может, мне что-нибудь сделать?

Элла жестами показала, что Ханне следует занять место за столом; Ханна подчинилась ее немоу приказу. Свежесваренный кофе потек в кружку, в тарелке заколыхалась яичница-глазунья, корзинка с хлебцами была заботливо придвинута поближе. Ханна стала угощаться, добросовестно пытаясь попробовать каждое блюдо. Она трижды набивала полный рот всякими вкусностями, пока не дошла до рыбного шарика. Сразу же во рту возникло ощущение тошноты, словно при чтении дебютного романа Йорна. Она попыталась было проглотить шарик и при этом улыбнуться. Ханна беспомощно оглядывалась по сторонам в поисках помощи, которой, как она знала, ждать было неоткуда. Яркий свет заливал окна.

---

¹¹ Все самое лучшее (исл.).

– Bragðas þetta vel?¹²

Лингвистических способностей Ханне хватило, чтобы понять, что вопрос Эллы, по-видимому, касается еды; продолжая улыбаться, она кивнула. Рыбный шарик все же удалось проглотить.

– Очень вкусно.

Однако в желудке рыбный шарик превратился в живую рыбку, внутри у нее все перевернулось. Ханна сглотнула, пытаясь перебороть неприятную внутреннюю дрожь, но тщетно. В тот момент, когда она поднялась, собираясь добежать до туалета, ее стошнило прямо на стол. Выглядело это так, будто кто-то вылил на стол целую бутылку красного вина с какими-то комочками. Элла инстинктивно подалась слегка назад, однако вид у нее при этом был не столько испуганный, сколько какой-то восторженный. Как будто это было великим достижением: одновременно попасть и в тарелку с творогом, и в корзинку с хлебом. Она прямо-таки расцвела в широкой ухмылке. Ханна тоже попробовала улыбнуться, но не смогла. Бледная как мел, она потянулась за салфеткой с каким-то веселым рождественским сюжетом.

– Прости, мне правда очень неловко.

Прийти в себя было непросто. Ханна чувствовала, будто внутри нее все еще плавают косяк не до конца прожеванной рыбы, стремясь найти какой-нибудь выход. Желудок сводило судорогами, однако он был пуст. Она вынуждена была обеими руками придерживаться за край стола. О, как же неприятно!

– Нет, правда, мне очень неудобно.

Что это, неужели она начала повторяться?

Элла протянула ей стакан воды и развела руками – дескать, ничего страшного не случилось. Однако ее жест был не в состоянии унять чувство жгучего стыда, охватившее Ханну. Элла с невозмутимым видом принялась убирать со стола, как будто приступ тошноты был запланирован заранее, а теперь следовало перейти к следующему пункту повестки дня. Испачканная рвотой и красным вином еда проследовала в помойное ведро. Ханна поднялась и, желая помочь, начала собирать тарелки. Элла сделала рукой властный жест и остановила ее, покачивая головой. Распахнув шкаф, она выхватила оттуда пакет овсяных хлопьев и протянула Ханне, которая взяла его с благодарным видом.

– А молоко у тебя есть?

Ханна вышла из дома без какой-то определенной цели, лишь собираясь поближе познакомиться с деревней, а также в робкой надежде обрести вдохновение. Она изо всех сил пыталась поскорее забыть о досадном утреннем происшествии. Ханна направилась в ту сторону, где дома местных жителей стояли более кучно. Шла она быстро, и укусы холодного встречного ветра были весьма ощутимы. Она поправила платок, в который куталась, прикрывая им одновременно грудь и шею. С моря напоздали тучи, было похоже, что собирается дождь. Она прибавила шаг. При свете дня стали хорошо видны горы, расположенные к северу от домов. Казалось, они держат друг друга за руки, образуя своего рода защитную цепь вокруг деревушки. Или подобие неприступной изгороди. Пройдя примерно километр, она оказалась, если так можно выразиться, в самом центре поселения или на его главной торговой улице, судя по расположенным здесь магазинам товаров повседневного спроса и одежды. Оба были закрыты. Ханна осмотрелась по сторонам – нигде не видно и не слышно никаких признаков человека. Лишь стоя чашек патрулировала территорию с воздуха. Неужели она попала в деревню-призрак?

– Kysstu mig!

Какой-то бродяга, одетый в лохмотья и до бровей заросший бородой, схватил ее за руку. Ханна вздрогнула от страха и неожиданности. Однако, взглянув на бродягу, она решила, что,

---

¹² Вкусно? (исл.)

скорее всего, это деревенский дурачок – такие обязательно встречаются в местах, подобных этому. Ханна попыталась перейти на английский:

– Извини, я не понимаю.

– Kysstu mig! Поцелуй меня!

Губы бородача сложились для поцелуя, в глазах блеснула надежда. Ханне даже захотелось его поцеловать; она и сама не знала почему, может, чтобы удивить его? Да и саму себя. Однако пахло от бородача, как от бочки селедки. Всякое бунтарство имеет свои границы.

– Может, как-нибудь в другой раз.

– А деньги у тебя есть?

Ну конечно, вслед за любовью сразу следуют деньги. Ханна выудила из кармана купюру и, кладя ее в коричневую от грязи ладонь, спросила:

– Нет ли здесь в поселке какого-нибудь кафе?

Бородач ухмыльнулся.

– Ты знала, кого спросить. Мне известно все в этой деревне, я вижу все, что тут происходит. Только вот множества шикарных кафе не наблюдаю. А ты?

Ханна улыбнулась: вероятно, она поторопилась с выводами. Действительно, деревенский дурачок, владеющий искусством сарказма столь же безупречно, как и английским. Может, он все же не такой уж дурачок?

– О'кей, кафе у вас нет. Где же тогда собираются люди?

– Дома. У моря. Или в «Браггине»¹³.

– В «Браггине»?

– Единственный бар в поселке.

– А до него далеко?

– Могу проводить. Надо же потратить это.

Грязная рука взмахнула только что полученной от Ханн купюрой. Хорошо еще, что ей в общем-то не нужны были эти деньги. Пропить их в баре ничуть не хуже, чем потратить каким-нибудь иным образом. Один алкоголик другого не осудит. Лохмотья колыхнулись и уверенно двинулись в известном их хозяину направлении, Ханна поспешила следом. Неужели же и она когда-нибудь может стать такой одинокой, что придется выпрашивать поцелуй на улице у незнакомого человека?

---

¹³ «Браггин» (исл.) – вкус.

8

Ханна ощутила знакомую духоту питейного заведения еще до того, как дверь в «Брагин» распахнулась. Вслед за своим новым другом она прошла в темный кабачок и слегка разочарованно осмотрелась по сторонам. Коричневые цвета интерьера, помимо барной стойки здесь было всего два застеленных потертой клеенкой столика, на них вазочки с искусственными цветами и пепельницы. Вокруг столиков белые пластиковые стулья. За одним столом сидели несколько обветренных местных жителей, которые, вероятно, когда-то были рыбаками, а теперь больше всего напоминали давно уже махнувших на себя рукой людей. Стоявший у игрового автомата толстяк относился к тому же типу уставших от этой жизни бывших рыбаков. Посреди бара стояла женщина лет пятидесяти с лежащей у ее ног собакой и оживленно беседовала о чем-то с барменом. Судя по тону, речь шла о том, что ее весьма волновало. У слушавшего ее бармена вид был невообразимо скучный, как будто он слышал эту историю уже тысячи раз, как наверняка и обстояло дело. Лишь один из присутствующих здесь выпадал из типичного кабацкого пасьянса. За стойкой бара сидел темноволосый мужчина приблизительно одного с Ханной возраста, и многие, вероятно, назвали бы его слишком красивым или слишком аккуратным и ухоженным, чтобы зависать в подобном заведении с утра в среду. Мужчина читал книгу, Ханна разглядела, что перед ним на стойке стоит стакан колы. Деревенский дурачок поприветствовал бармена и, добавив к купюре Ханны еще несколько своих, взял себе пиво. О Ханне он уже успел позабыть и присоединился к компании разочаровавшихся в жизни бывших рыбаков. Ханна взгромоздилась на один из высоких барных стульев по соседству с любителем колы. Оторвавшись от книги, он обратился к ней по-английски:

– Туристка?

Ханна кивнула.

– Из Дании?

– Да, а что, так заметно?

– Просто догадался. Думаю, ты бы вполне могла сойти за исландку.

– Почему?

– Сложно сказать... Может быть, волосы. Или суровый взгляд.

Ханна посмотрела на него, суровости во взгляде у нее явно прибавилось – она ненавидела, когда ее анализировали мужчины, особенно те, с которыми она впервые встретилась. «Ты такая-то и такая-то». Как будто они действительно могут кого-то просчитать. Но с этим любителем колы дело обстояло несколько иначе – он не вызывал у нее раздражения. Мужчина махнул бармену, который, по-видимому, был весьма рад поводу отделаться от болтливой владелицы собаки. Скосив глаза на стакан своего нового собеседника, Ханна подавила в себе утреннее желание выпить красного.

– Пожалуйста, минеральную воду.

Получив бутылку минералки, она расплатилась и наполнила стакан. Мужчина с любопытством взглянул на нее.

– Почему из всех возможных мест на земле ты выбрала для отпуска именно это? В такое время года у нас редко бывает много туристов.

Ханна замялась. У нее не было ни малейшего желания обсуждать свой проект с кем-то еще из местных, рискуя услышать очередные плодотворные идеи. А может, как раз в них-то она и нуждается? В конце концов, вовсе не обязательно врать.

– Я приехала сюда писать книгу.

– Вот как? Стало быть, ты писательница?

Ханна услышала в его голосе нотки восхищения. Слегка приосанившись, она кивнула.

– Что за книгу?

Любитель колы захлопнул собственную книгу и сосредоточил все свое внимание на Ханне. Та сделала глоток воды с пузырьками, чувствуя, что не готова выступать в качестве автора детективов. С другой стороны, ей вовсе не хотелось рассказывать всю историю, почему с интеллектуальной литературы она решила переключиться на криминальные сюжеты. Она решила преподнести самую короткую версию:

– Вообще-то я пишу короткую прозу, но сейчас решила поэкспериментировать с криминалом.

Мужчина внимательно посмотрел на нее.

– Поэкспериментировать с криминалом? Тогда мне, наверное, следовало бы тебя арестовать.

Ханна вопросительно взглянула на него.

– Я местный участковый инспектор. Виктор.

Он протянул Ханне суровую руку закона, которую та пожала.

– Ханна.

Она кивком указала на его джинсы и хлопчатобумажную рубашку.

– Ты что, под прикрытием?

Виктор рассмеялся, чуть не подавившись колой.

– Трудно работать под прикрытием в деревне, где все тебя знают. Просто я еще не на службе.

Виктор взглянул на часы. Это не был рутинный привычный жест. Похоже, он действительно забыл о времени.

– Если ты собираешься совершить преступление и скрыться, советую сделать это в ближайшие тридцать две минуты.

– Ты что же, единственный полицейский в деревне?

Виктор кивнул. Ханна так и не поняла, считает ли он это тяжким бременем или же предметом гордости, возможно, и то и другое.

– А те преступления, которые происходят вне твоего рабочего времени, ты не расследуешь?

Ханна почуяла шанс зацепиться за какую-нибудь стимулирующую вдохновение криминологическую идею. Виктор добродушно ухмыльнулся:

– Разумеется, я пытаюсь отслеживать все, что происходит, но, если честно, происшествий у нас тут немного. К примеру, вчера какие-то юнцы украли из гаража ящик пива, а еще время от времени я задерживаю автомобили с разбитыми фарами. По большому счету, это все.

Ладно. Значит, в местной среде криминальный сюжет не отыщешь. Стиснув руки, Ханна с тоской посмотрела на полку с крепкими напитками. Чувствуя, что Виктор разглядывает ее, она обернулась к нему и показала на книгу:

– Что ты читаешь?

Виктор продемонстрировал ей обложку. Она прочла, старательно пытаясь копировать исландское произношение:

– «Ljóð 1980–1995»¹⁴ Эйнар Мар Гудмундссон.

– Он получил литературную премию «Северного совета» за 1995 год.

Ханна с трудом справилась с возникшим у нее детским желанием выдать в ответ какую-нибудь фразу, где литературная премия «Северного совета» соседствовала бы с ее собственным именем.

– А-а, знаю. Помнится, когда я только начинала писать, меня здорово вдохновил его «Мятеж Франкенштейна».

Виктор с недоумением покрутил книжку в руках.

---

¹⁴ «Стихи, 1980–1995» (исл.).

– Да? Не знаю этой вещи. Может, по-исландски она называется как-то по-другому?

– Наверняка. Чувствуется, по-исландски все называется по-другому.

Виктор с улыбкой прихлебнул колу.

– Как бы там ни было, но ты, должно быть, фантастический писатель, если тебя вдохновляют его произведения. Вот бы когда-нибудь почитать что-то из твоих книг.

Ханна так и не смогла понять, насколько эта мысль является комплиментом в ее адрес или же очередным свидетельством преклонения перед Эйнаром Маром. Ей представлялось, что в процентном отношении это составляет где-то пятьдесят на пятьдесят. Она попыталась вспомнить, когда последний раз получала пятьдесят процентов лестных отзывов от мужчины, но так и не смогла.

– Не знаю, понравится ли тебе. Это короткая проза. Впрочем, некоторые, быть может, назвали бы это лирикой.

– Интересно.

Ханна испытующе взглянула на собеседника:

– Скажи-ка, а что это за полицейский такой, который читает лирические стихи?

– А что это за писатель, который планирует преступление?

Виктор пристально посмотрел ей в глаза, она выдержала его взгляд.

– Я полагаю, что полицейский, который перед началом своего дежурства читает лирические стихи, мечтает о чем-то совсем ином.

Виктор так и не отвел глаза.

– И о чем же, по твоему мнению, он мечтает?

Ханна пожала плечами.

– Не знаю. О том, чтобы произошло что-то новое.

Виктор усмехнулся и покачал головой. Быстро сверившись с часами, он убрал книгу.

– О чем я действительно мечтаю, так это о еще большей тишине и покое.

У Ханны вновь забрезжил лучик надежды, что Виктор подарит ей ключик к детективному сюжету.

– А может, несмотря ни на что, твоя работа не такая уж тихая и спокойная?

Виктор заулыбался.

– Что мне нужно, так это отдохнуть от сидящих у нас дома двух маленьких детишек. За ними – и за двумя чужими – присматривает моя супруга. Я просто вынужден хотя бы ненадолго уходить из дома, иначе у меня возникнет желание арестовать всех четверых детей. А сажать детей в тюрьму за что бы то ни было – в корне неправильно.

Виктор грациозно соскочил с высокого стула и протянул ей руку. Надо сказать, довольно официально.

– Весьма приятно было познакомиться. Теперь ты знаешь, кому позвонить, если случайно столкнешься с убийством или с чем-то еще в этом роде.

Виктор опять улыбнулся. Ханне сложно было представить, чтобы он расследовал какое-то более тяжкое преступление, чем кражу рыбацкой лодки. Она кивнула.

– Повторяю, я охотно почитаю твои книги.

– Рада была познакомиться.

Ханна проводила Виктора взглядом до самых дверей бара, убедилась, что он вышел, и лишь тогда повернулась к бармену и с облегчением сказала:

– Виски с колой.

Тучи еще сильнее затянули небо, над горами нависла тьма; выйдя из бара и оказавшись на холодном ветру, со свистом проносящемся по деревенским улочкам, Ханна почувствовала, что она захмелела. Пора было возвращаться, а идей, вдохновляющих на создание детективного сюжета, у нее было даже меньше, чем когда она выходила из дома. Она пыталась выудить какие-

то истории из пивших пиво посетителей, которые и вправду оказались разочаровавшимися в жизни бывшими рыбаками, однако, к сожалению, их познания в английском для поддержания беседы не выходили за рамки «cheers». Бросив взгляд на горы, Ханна ощутила приступ упрямого оптимизма. Отлично, пусть это придет к ней не откуда-то извне, пусть она сама все придумает! Она точно знает: там, внутри нее, это есть. Решено – домой, открыть бутылку вина, сесть за компьютер. Написать хоть что-то. Она прибавила темп, тяжелыми шагами пробираясь по темной проселочной дороге в сторону дома.

На полпути домой, а мысленно – уже вернувшись, она заметила компанию играющих в футбол мальчишек или, пожалуй, юношей. Семнадцати-восемнадцатилетних. Краснощекие, слишком уж легко одетые для пронзительно-холодного ноябрьского дня, они носились по площадке, больше всего напоминающей распаханное поле. Единственными объектами могли служить лишь пара стоящих друг напротив друга ворот и ярчайшая лампа-прожектор, которая позволяла им видеть мяч в спустившихся на округу сумерках. Ханна не помнила, чтобы по дороге сюда ей на глаза попадалось футбольное поле. На фоне пустошей, гор и бесконечно огромного темно-серого неба юноши выглядели гораздо моложе, чем были на самом деле. Она остановилась и стала увлеченно наблюдать за тем, как они носятся по природному стадиону – сосредоточенные, вопящие, неистовые. Целиком поглощенные игрой. Но вот кто-то из них промазал, и мяч укатился далеко за ворота почти к самым ногам Ханны. Один из ребят побежал за мячом. Остальные наблюдали за ним, какой-то парень крикнул ему что-то по-исландски. Слова отнесло ветром, но Ханна почувствовала, что речь шла о ней – не похоже было, чтобы они привыкли к зрителям. Два парня ухмыльнулись. Побевавший за мячом юноша был уже совсем близко. Ханна сделала два поспешных шага, чтобы успеть раньше, и слегка пнула мяч в его сторону. Молодой человек остановился, посмотрел на нее и улыбнулся.

– Спасибо.

На какое-то мгновение они замерли, разглядывая друг друга, как будто собирались что-то сказать, но не знали что. Затем парень снова улыбнулся и повел мяч обратно в сторону своих приятелей и прерванной игры. Ханна вдруг поняла, почему этот пронзительный, упрямый взгляд юноши показался ей знакомым. Это был племянник Эллы Тор. Она развернулась и покинула возобновившийся футбольный матч с таким ощущением, что, быть может, в Хусафьордуре все-таки подчас случается всякая всячина. В этот момент начался сильнейший ливень. Ханна попыталась было убежать от секущих лицо дождевых струй, но в конце концов вынуждена была сдаться. Последнюю часть своего пути по погружившейся во тьму проселочной дороге ей пришлось преодолевать чуть ли не вплавь. Когда она подошла к дому, Элла ждала ее на крыльце с полотенцем и кофейником свежесваренного кофе.

9

Ханна писала всю ночь, а на выходе у нее получилось лишь полстранички набросков детективной интриги. Масса слов, но пока еще ни одного убийства. Она полчасика поспала, три раза безуспешно позвонила Бастиану, выпила полторы бутылки вина, неоднократно готова была бросить это занятие и все же раз за разом возвращалась к компьютерной клавиатуре. Она долго просидела неподвижно в одной и той же позе, наблюдая за тем, как встает солнце, и чувствуя, как в такт проходящим минутам тает надежда на конечный успех. Следующим утром она, с собранным чемоданом и горьким осознанием того, что написать детектив ей не под силу, еле передвигая ноги, начала спускаться по лестнице. Мысленно она подбирала слова для речи о собственной капитуляции. Стоило ей представить выражение лица Йорна, когда он это услышит, как ладони ее сразу же вспотели. Однако по-другому и быть не могло: проявление гордыни неизбежно влечет за собой возмездие. Может, вместо того, чтобы возвращаться в Данию, она сможет уехать в какое-то другое место, скрыться, исчезнуть и начать новую жизнь в том уголке земли, где потерпевшие крушение проекты не тянут своего автора на дно? На кухне она обнаружила Эллу, которая, поникнув всем телом, горько рыдала, сидя за накрытым к завтраку столом. Она, по всей видимости, была абсолютно раздавлена каким-то горем. Ханна в изумлении замерла как вкопанная.

Ханна медленно подошла к Элле – так лодка тихо скользит по воде к причалу – и осторожно присела рядом с убитой каким-то горем пожилой дамой. Ситуация была Ханне непонятна, однако она никогда не относилась к тем, кто может вот так запросто положить руку на плечо и начать допытываться, что с тобой не так.

– Что-то случилось?

Элла всхлипнула еще громче. Ханна все же попыталась обнять ее.

– Что все-таки произошло?

Элла дрожала всем телом, морщинистые ладони скрывали залитое слезами лицо. Ханна и не думала, что пожилые люди способны на такое проявление эмоций. Говорят, что, когда ты достиг определенного возраста, все расстройства остаются далеко позади. Может, это не так? Понимая, что дела, по-видимому, обстоят совсем плохо, Ханна решила отложить объявление о своем отъезде. Не похоже, чтобы Элла была сейчас в состоянии подбросить ее в аэропорт. Ханна решила попытаться в третий раз:

– Чем ты так расстроена?

На этот раз Элла подняла голову и взглянула на нее.

– Thor er dárinn.

Ханна вопросительно посмотрела на нее. Перегнувшись через стол, Элла достала какую-то бумагу – кажется, какое-то официальное письмо. Однако в данный момент его содержание Элле совершенно не волновало. Она перевернула листок и нацарапала пару слов внизу на обороте.

– Тор мертв.

От неожиданности Ханна отшатнулась на добрый десяток сантиметров и откинулась на спинку стула. Тор? Меньше чем двадцать часов назад она смотрела в его юные озорные глаза. А теперь он больше не дышит, сердце его не бьется, мяч в последний раз коснулся его ног. Этого просто не может быть. Вероятно, Элла получила сообщение, которое не поняла.

– Кто сообщил тебе?

– Вигдис, – всхлипывая и хлюпая носом, отозвалась Элла. Ханна не поняла:

– Кто такая Вигдис?

Элла не ответила, ее снова сотряс приступ рыданий, как будто она только сейчас услышала эту ужасную новость. А быть может, она впервые осознала, кем был для нее этот покойный юноша. Конечно, если он и вправду мертв. Ханна все еще не могла в это поверить. С чего бы это ему умирать? Еще накануне он был абсолютно живой и вот сегодня уже покойник? Она решила попробовать разобраться во всем.

– Элла, мне на самом деле безумно жаль это слышать. А тебе известно, как он умер? – Ханна осознала, что рукою непроизвольно поглаживает Эллу по спине. Кто знает, было ли это сочувствием или попыткой вызвать на откровенность? Элла сглотнула слезы, пытаясь унять рыдания, ладонью Ханна ощутила, что Элла пытается собраться. Достав из рукава старомодный носовой платочек, пожилая дама высморкалась и снова взялась за ручку:

– Моя сестра Вигдис позвонила мне сама и рассказала, что сегодня ночью Тор умер. Несчастный случай.

По щекам Эллы снова покатились слезы.

– *Ēg skil þetta ekki! Ēg sil þetta bara ekki!*¹⁵

Ханна все еще была в недоумении.

– Так, значит, Вигдис – твоя сестра, мать Тора?

Элла кивнула.

– А ты уверена, что правильно ее поняла? Может, с ним случилось какое-то несчастье и он попал в больницу, ну, или что-то в этом роде?

Элла посмотрела на нее – пристально, серьезно. Затем принялась писать:

– Когда речь идет о смерти, ошибиться невозможно. Кроме того, я и сама знаю, что так ано и есть. Я это чувствую.

– Чувствуешь?

Элла написала:

– Сильное было чувство.

Ханна шумно вздохнула. Она уже почти смирилась со смертью Тора. Однако что же такое чувствует Элла? Быть может, телефонный звонок просто-напросто ей приснился, а утром она убедила себя, что это было наяву. Ханна встала и направилась к стационарному телефону.

– Какой номер у Вигдис?

Элла подняла заплаканное лицо, которое, несмотря на то, что рыдания прекратились, было мокрым от слез, как морской берег после отлива. Отрицательно покачав головой, она неожиданно резко вскочила и секундой позже уже стояла, сжимая в руках телефонную трубку. Ханна не поняла, чем вызвана такая стремительность. Элла тем временем почти со злостью схватила телефонную книгу, перевернула ее и нацарапала на обратной стороне:

– Ты мне не веришь, но так ано и есть. Тор МЕРТВ. Несчастный случай в гавани. Мир ЗЛОЙ.

Что-то в каракулях Эллы убедило Ханну. Может, слова, написанные заглавными буквами. Она сглотнула подступивший к горлу ком. Все же сложно избежать банальностей, когда требуется выразить сочувствие.

– Мне очень, очень жаль. Я могу чем-то помочь?

Элла покачала головой и тут же кивнула. Снова придвинула к себе телефонную книгу, однако на этот раз принялась писать над номером, принадлежащим некоему абоненту по имени Бьярги:

– Торжественное прощание во второй половине дня. Ты будешь?

Элла вопросительно посмотрела на Ханну, как будто ее присутствие было для пожилой дамы пусть слабым, но утешением. Ханна утвердительно кивнула.

---

¹⁵ Я не понимаю этого! Я просто этого не понимаю! (исл.).

– Конечно. А ты не считаешь, что приход постороннего человека на такое действие могут посчитать слишком бесцеремонным?

Взглянув на нее, Элла быстро написала:

– Ты живешь в моем доме, ты не посторонний.

В глубине души у Ханны что-то шевельнулось. Она сама не знала что.

– Может, мне сварить нам по чашке кофе?

Не дожидаясь ответа, Ханна направилась к кофеварке. В коридоре на глаза ей попался собранный чемодан. Отъезд откладывался на неопределенное время.

10

В доме стоял запах смерти. По собственному опыту Ханна знала, что, когда жизнь покидает человека, вокруг его личности внезапно возникает ореол таинственности; как близкие, так и те, кто никогда не встречался с покойным при жизни, стремятся узнать о нем как можно больше. И стремление это лишь усиливается, если кончина безвременная или же произошло преступление. Мы всегда желаем знать все обстоятельства смерти и предшествующих ей часов: о чем усопший думал напоследок, что ел, принимал ли ванну? Строил ли какие-нибудь планы на завтрашний день? Наконец, главный вопрос: сознавал ли он в решающий момент, что впереди его ждет смерть? И отнюдь не только праздное любопытство является причиной желания узнать больше о покойном, прояснить фактические обстоятельства превращения жизни в ее противоположность, Ханна всегда считала это особым способом оказать усопшему уважение через понимание последних минут его существования. В своих фантазиях она нередко задавала себе вопрос: если бы можно было оживить мертвеца, какие мудрые мысли он смог бы поведать? Ведь он знает о жизни то, чего не знаем мы. Знает, каково это – быть мертвым. Как это происходит? Испытываешь ли ты боль? Что ждет нас там, по другую сторону? Какой бывает последняя предсмертная мысль? Успеваешь ли ты оглянуться назад, подумать о том, чего достиг в жизни, получить ответы на все тревожившие тебя вопросы, почувствовать, что ты действительно жил? Тем не менее, подумала Ханна, в конечном итоге нас интересуют при этом вовсе не покойные, а мы сами. Смерть других заставляет нас, оставшихся, задуматься о своем существовании, сквозь призму смерти мы видим в перспективе мелкие и крупные детали жизни. И как смерть может завладеть нами.

Держась чуть позади Эллы, как знающий свое место телохранитель, Ханна вошла во впечатляющий своими размерами дом, похожий на те, что фигурируют в новейших скандинавских жилищных архитектурных проектах. Просторные комнаты с огромными окнами, из которых открывался настолько органичный вид на окружающие пейзажи, что горы казались частью помещения. Детали интерьера свидетельствовали о безукоризненном вкусе, чему в немалой мере способствовала дорогая дизайнерская мебель. Дом был каким-то уж слишком современным и красивым для такой крохотной захолустной деревушки. Интересно, кстати, сколько он мог стоить? Однако вид со вкусом подобранной роскоши был омрачен заполнявшей все помещение атмосферой глубочайшей скорби. Осматриваясь по сторонам и видя вокруг себя сплошь заплаканные и убитые горем лица, Ханна ощутила, как постепенно проникается общим горем. Еще до того, как поздороваться, она увидела, что центр комнаты занят кроватью, к которой были прикованы взгляды всех собравшихся. На ней при полном параде лежал Тор. Мертвый. Ханна с трудом сглотнула. Зачем он здесь лежит? Разве это нормально, присутствовать на собственной торжественной церемонии прощания? Ханна не привыкла к виду мертвых тел. Однажды ей довелось видеть мертвеца. Он лежал на рельсах близ станции Дюбэльсбро¹⁶, а двое полицейских пытались, довольно безуспешно, прикрыть труп, однако она была слишком любопытна. Она увидела его, проезжая мимо на велосипеде. Труп полностью окоченел и лежал на рельсах завернутый в пластик, наружу выглядывала только голова. Не стоило ей на это смотреть. Жизнь вокруг нее продолжалась как ни в чем не бывало, да иначе и быть не могло. Спускаясь по лестнице и неся свой велосипед, она увидела идущего навстречу паренька с бумбоком на плече. Громкая музыка, шорты, бейсболка, серая майка, он прыгал и приплясывал и вообще был полон жизни. У нее возникло желание вцепиться в него и закричать: «Стой! Там на рельсах лежит покойник!» Однако делать она этого так и не стала. Ведь это она, Ханна, столкнулась со смертью человека, погибшего во время неистовой летней грозы, а вовсе не этот

¹⁶ Дюбэльсбро – станция городской железной дороги в Копенгагене.

мальчуган с бумбоксом. Для него жизнь светила всеми своими красками, так зачем же было лишать его этого чувства? Напоследок она оглянулась и посмотрела на автомобильный мост: там стояла зеленая машина, на которой приехал, прежде чем прыгнуть вниз, тот самый человек, который лежал здесь сейчас холодный и окоченелый. А в голову ей упорно лезла навязчивая мысль: в момент его гибели я была в магазине и стояла перед трудным выбором между красным и белым вином.

– Элла!

Какая-то женщина кинулась к Элле и с таким отчаянием обняла ее, как будто пыталась переложить на ее хрупкие плечи собственное горе. Элла в ответ также заключила ее в объятия. Ханне показалось, что всеобщему молчанию, сопутствующему этой тягостной сцене, не будет конца. В душе у нее возникла целая гамма чувств: сначала сострадание, затем ощущение какого-то дискомфорта и, наконец, легкое раздражение. В самом деле, сколько можно тянуть с тем, чтобы представить присутствующим пришедшего проститься с покойным незнакомого человека, ставя его тем самым в неловкое положение? Ханна переступила с ноги на ногу и покашляла. Элла услышала, выскользнула из объятий женщины и представила ее Ханне: Вигдис. Ханна поняла, что это сестра Эллы и мать Тора. Она решила, что будет говорить по-датски, надеясь, что никого этим не оскорбит. Кроме того, в данной ситуации ей показалось это более естественным, чем воспользоваться английским:

– Мои глубочайшие соболезнования. Я безумно скорблю о вашей потере.

Ханна рассматривала Вигдис, та казалась на пару лет младше Эллы, хотя, разумеется, могла значительно состариться в течение этой ночи. Вигдис ограничилась кивком – вполне понятно, не имея сил на дальнейшее общение с незнакомкой. С ее кривящихся от плача губ слетело несколько быстрых исландских фраз. Элла в ответ сказала что-то ободряющее, утешительное, стремясь, насколько это было возможно, разделить с сестрой ее тяжкую ношу. Ханна исподволь окинула взглядом собравшихся: горестные лица, краткое перешептывание, в непонятных ей исландских словах сквозили скорбь, недоумение, отчаяние. Глаза ее скользили по углам комнаты, старательно избегая ее середины, где было установлено погребальное ложе Тора, ибо, хотя ее так и подмывало увидеть мертвого юношу, она находила, что разглядывать его было бы неподобающим. Наверное, осматривая комнату, Ханна подсознательно пыталась отыскать некий уголок, куда можно было бы заползти, спрятаться, она весьма остро ощущала себя здесь чужаком, коим на самом деле и являлась. В углу комнаты сидел похожий на каменное изваяние пожилой человек. С безучастным выражением на лице он, тем не менее, не отрывал глаз от мертвого мальчика. Что это было такое – некая редкая форма стоического самобичевания? Ханна обратила внимание на то, что, хотя многие подходили к нему выразить свои соболезнования, человек-статуя на это никак не реагировал. Вероятно, это был отец Тора, Эгир. У Ханны возникло некое неприятное ощущение. Лучше бы она сюда не приходила. Она уже горько сожалела, что сомневалась в словах Эллы относительно смерти Тора. И даже чувствовала своего рода вину: она так стремилась отыскать какую-нибудь смерть для своего детектива – и вот вам она, пожалуйста. Она постаралась поскорее прогнать эту мысль – вовсе не обязательно, что это было убийство, и даже вероятнее всего нет. Ханна попробовала взять себя в руки, она должна стиснуть зубы и ради Эллы побыть здесь, решительно отбросив в сторону свое отвращение к возможности оказаться втянутой в личные дела других. Черт подери, вот бы сейчас выпить! Или хотя бы пропустить чашечку кофе. Бессонная ночь настигла ее, как удар тяжелого мяча по затылку. Она сделала глубокий вдох и, внезапно увидев дверь, ведущую в помещение, похожее на кухню, двинулась к ней.

Едва переступив порог кухни, Ханна ощутила, как екнуло сердце. Виктор! Он стоял спиной к ней и наливал себе кофе. Интересно, он пришел сюда как член семьи или как человек, ведущий расследование? Откровенно говоря, последнее устраивало ее больше.

– Так значит, в Хусафьордуре все же случаются преступления?

Виктор неторопливо обернулся, как будто заранее чувствовал, что именно Ханна стоит у него за спиной. Он протянул ей чашку, которую только что наполнил.

– Я так и знал, что ты сюда придешь.

Ханна удивилась:

– Почему?

– Потому что Элла не из тех, кто может оставить своего гостя дома в подобной ситуации.

Снова недоумение:

– А откуда ты знаешь, что я живу у Эллы?

– Здесь в деревне я являюсь представителем власти. Я знаю все.

Виктор наполнил еще одну чашку и облокотился о кухонный стол. Держа кофе в руке, он внимательно посмотрел на Ханну. Та сделала первый глоток. На вкус кофе был горьковатый.

– Ты знаешь, что случилось с Тором?

Виктор наконец опустил взгляд, покачал головой и прихлебнул из кружки, все это слилось у него как бы в одно движение.

– Это преступление?

Теперь уже настал черед Ханны испытующе посмотреть на собеседника.

– Прости, но я не могу давать никакие комментарии по делу.

– А-а, так значит, все-таки есть дело?

Виктор вздохнул.

– Я этого не говорил.

– Но сам-то ты здесь как полицейский или как член семьи?

– Извини, но я действительно не могу сказать больше.

– Ты ничего и не говоришь.

Виктор обезоруживающе улыбнулся и сделал движение, намереваясь, по-видимому, вернуться в комнату. Ханна решилась на последнюю попытку – среди скорбящих она уже не сможет задавать вопросы.

– Почему он здесь? Я имею в виду тело?

Виктор помедлил, как будто хотел поделиться с ней чем-то и в то же время понимал, что делать этого не вправе. Желание одержало верх над долгом.

– Это была идея Эгира, его отца, он настоял. Я был решительно против. Необходимо произвести вскрытие.

Ханна удивленно подняла бровь.

– Вскрытие?

Сделать какие-то выводы по тону Виктора было невозможно.

– Чистая рутина, когда кто-то утонул. Через час из Рейкьявика прибудет судмедэксперт, тогда я и заберу тело.

– Значит, Тор утонул?

Виктор кивнул.

– Сегодня утром отец нашел его и вытащил из воды.

– А как он туда попал?

Виктор вздохнул и одним глотком осушил свою кружку.

– Вот это-то как раз и загадка.

Виктор отставил пустую чашку. У Ханны к нему оставалось еще множество вопросов, однако он уже скрылся в комнате. Она покосилась на свою чашку: кофе был слабый, коричневый, как навоз. Ханна выплеснула его в мойку.

Ханна вернулась в комнату и осмотрелась в поисках Виктора. Его здесь не было. Вот дерьмо! Ханна попыталась заставить себя подойти к покойному. На расстоянии юноша был

похож на спящего, которого зачем-то выставили на обозрение для членов семьи и друзей. Вблизи же сразу становилось понятно, что молодой человек умер. Он выглядел слегка опухшим, вероятно от пребывания в воде. Ханна удивлялась самой себе: откуда мог взяться этот приступ брезгливости? Она должна перебороть себя и взглянуть на тело. Прядь волос, странно прилипшая ко лбу, за правым ухом на манер заколки виднелся застрявший кусочек водорослей, словно подсказывающий, отчего он умер. А это, что? Ханна склонилась над покойным и протянула руку к кусочку водорослей; оказывается, он что-то скрывал. Кровь. За ухом у юноши она разглядела небольшую шишку.

– Hvernig dirfistu að snerta son minn?¹⁷

Ханна молниеносно отдернула руку, обернулась и посмотрела Эгиру прямо в лицо. Человек-статуя поднялся, покинув свой постамент. Ханна внезапно осознала, насколько неподобающим со стороны может выглядеть ее поведение. Подумать только, стоять тут и ощупывать усопшего!

– Прости.

Человек-статуя взглянул на нее, в глазах его читалась какая-то странная пустота. Ханне показалось, что он собирается ее ударить, она инстинктивно съежилась. Однако человек-статуя застыл в своем новом положении, подобно зомби, позабывшему о своей миссии. Ханна попятилась, стараясь как можно скорее оказаться подальше от мертвого тела, скорби и пустоты.

---

¹⁷ Как ты смеешь трогать моего сына? (исл.).

11

На улице снова лил дождь, и дорога окончательно раскисла. Шагая по слякоти и прыгая через лужи, Ханна двинулась обратно в направлении деревни. Улучив момент, она с радостью покинула этот странный домашний храм, оставив в нем Эллу после того, как та дала твердое обещание присоединиться к Ханне по окончании прощальной церемонии. Вспоминая о недавнем ритуале, она приостановилась и поежилась, изо всех сил пытаясь стряхнуть с себя чувство какой-то неясной тревоги. Посмотрев в сторону дома Эллы, она немного помедлила, а потом решительно пошла вглубь деревни.

Ханна успела постучать дважды, прежде чем дверь отворилась и в проеме показался Виктор. Он был явно изумлен.

– Ты что же, шла за мной?

– В Дании у меня репутация чуть ли не stalkера.

Виктор снова удивленно поднял бровь.

– Не хочу показаться невежливым, но сейчас я весьма занят.

Ханна попыталась заглянуть поверх его плеча внутрь дома. По всей видимости, полицейский участок располагался вовсе не в общественном здании – это было частное жилище Виктора, о чем свидетельствовала табличка на двери. Пол в комнате был весь завален игрушками. Проследив взгляд Ханны, Виктор расправил плечи, стараясь заслонить беспорядок.

– Пойдем ко мне в кабинет. Это там.

– В вашей спальне или в детской?

Без тени улыбки Виктор слегка пожал плечами и сделал жест рукой, показывая, что им нужно выйти из дома. Он прикрыл входную дверь, однако Ханна все же успела заметить мелькнувший на кухне женский силуэт. Жена Виктора? Выйдя на улицу, полицейский в штатском провел ее в небольшой кабинет с отдельным входом. Полицейский участок. Ханна решила, что все здесь напоминает ей унылый офис риелтора из плохого американского фильма. В золотом сечении помещения стоял письменный стол из какого-то неопределенного вида дешевого дерева, на нем – пыльный стационарный компьютер, сваленные в беспорядке стопки бумаг и коврик для мышки с фотографией двух детей. По всей видимости, Виктора. У стола примостилось офисное кресло из кожзаменителя на четырех крохотных колесиках, а рядом – книжный шкаф с торчащими из него красными скоросшивателями. На стене висели карта местности и почти пустая доска объявлений. В общем и целом вся обстановка здесь производила, прямо скажем, отнюдь не лучшее впечатление.

– Какой уютный кабинетик, – соврала Ханна и засунула руки в карманы пальто, пытаясь принять самый беспечный вид.

– Так чем я могу помочь?

Сразу к делу? Что ж, ладно-ладно. Виктор стоял, скрестив на груди руки.

– Я тут кое-что подумала насчет Тора. Когда он получил тот удар по затылку – до или после смерти?

Бровь Виктора поползла вверх. Ага! Значит, он не заметил шишку. Бровь приняла прежнее положение.

– Я уже говорил тебе, что не могу давать комментарии по делу.

– Может, он ударился, когда упал в воду?

Виктор неловко переминался с ноги на ногу, явно желая задать какой-то вопрос, но не решаясь на это по причине своей неосведомленности. Ханна решила ему помочь:

– Справа за ухом у него кровоточащая ранка и шишка. Может, он стукнулся головой о камень, когда падал в море, а может, уже позже, плавая мертвым в воде, поранился о какое-нибудь бревно, лодку или что-то в этом роде.

Ханна выдержала паузу. Внимательно посмотрела на Виктора, тот стоял, кусая губы. Красивый мужчина. Но вот какой он полицейский? За те секунды, пока длилось молчание, оба успели успокоиться, после чего Ханна снова заговорила:

– А может, кто-то ударил Тора сзади по голове, и он упал в воду и утонул.

Виктор опять изменил позу, однако не стал комментировать ее теорию. Но Ханна не унималась:

– Ты как думаешь?

Виктор напряг скрещенные на груди руки, как будто это была смирительная рубашка.

– Думаю, тебе стоит прекратить разыгрывать из себя частного детектива и позволить мне самому делать свою работу.

– Ты что же, делал свою работу, когда позволил выставить на обозрение всей деревни труп мужчины, которого, быть может, убили? Каждый, включая и возможного убийцу, вполне мог сделать с ним что-то, чтобы уничтожить улики.

Ханна распалялась все больше и больше, радуясь, что время от времени ей все же доводилось видеть отрывки из тягомотных британских детективных сериалов. Виктор нахмурился. Вполне очевидно, что дело это крайне необычное, и если говорить о протоколе, то он уже успел его нарушить.

– Я уже говорил, что жду судмедэксперта. Он уже скоро будет здесь.

– А почему вы с ним встречаетесь не в доме семьи Тора?

Заметно было, что сказанное Ханной задевает его профессиональную гордость. Виктор потер лоб.

– Я не хотел их лишний раз нервировать. Ну, а теперь тебе пора.

Как будто сбросив с себя пресловутую смирительную рубашку, он помахал рукой ей на прощанье. Лоб его покрылся капельками пота. Ханна, между тем, и не думала уходить.

– Послушай, я вовсе не думаю критиковать твою работу, просто хочу помочь. Может, если обменяться информацией, нам легче будет понять, что же на самом деле произошло?

Виктор хмыкнул, то ли неуверенно, то ли высокомерно, и изобразил на лице терпеливую улыбку.

– Прошу прощения, но лишь из-за того, что ты заметила ранку на трупе Тора, я не собираюсь делиться с тобой чем бы то ни было. Я абсолютно серьезно советую тебе держаться подальше от всего этого. Нет, советую – неверное слово. Я приказываю тебе не соваться в это дело. Возвращайся к своей писанине и позволь мне выполнять мою работу.

Виктор открыл дверь и кивком головы указал на выход. Но Ханна не сдавалась:

– Ты говорил, это Эгир вытащил его из воды?

Виктор устало вздохнул.

– Больше никаких комментариев.

– Но разве это не странно? Я имею в виду, что именно отец обнаружил своего сына утонувшим. Он что, его искал?

Виктор не ответил. Лишь бровь его сперва поднялась, а затем опустилась. Ага, так значит, Виктор не спрашивал Эгира о том, что он там делал, когда нашел собственного сына.

– Прошло всего-навсего шесть часов. Родители все еще не отошли от горя. Да ты сама их видела.

Шесть часов. Разумеется, Ханна не была специалистом в области криминологии, однако, по ее мнению, шесть часов – это была целая вечность. За это время возможный убийца способен был несколько раз уничтожить все свои следы. Разумеется, если какое-то преступление вообще имело место. Она решила попытаться снова:

– Но ты, должно быть, все же разговаривал с ними. Установил, как Тор провел свои последние часы?

Виктор снова вздохнул, в его намерения явно не входило продолжать этот разговор. Быть может, он хотел тем самым показать, что не так уж плохо справляется со своей работой. Ханна попыталась надавить:

– Видимо, у тебя все же были подозрения, что речь идет о криминале, коль скоро ты говорил о смерти Тора как о «деле». И в доме у них ты был не ради того, чтобы оказать уважение и разделить скорбь с его родителями. Ты побывал там, чтобы поступить так, как поступил бы на твоём месте любой хороший полицейский: поговорить с родными и друзьями и попытаться составить себе представление обо всех обстоятельствах случившегося.

– Никто не сказал ничего полезного.

Ага! Стало быть, Виктор падок на лесть. Ханна добавила масла в огонь:

– А ты проницательный. Тебе же наверняка удалось выяснить то, чего я не смогла.

Трюк подействовал. Чуть помедлив, Виктор закрыл дверь и повернулся к ней. Взгляд его стал доверительным.

– Тор не умел плавать. Все в деревне это знали. У него была водобоязнь, и он никогда бы не смог стать рыбаком. Для отца это было огромным разочарованием.

– А сам Эгир рыбак?

Виктор кивнул.

– Тор никогда не подходил к воде. Это большая проблема, когда живешь у моря и за счет моря, как все мы тут.

– Но вчера вечером он все же подошел?

Виктор снова утвердительно наклонил голову.

– Он был пьян, здорово поругался со своим другом Йонни и от него отправился в сторону дома. Йонни был последним, кто видел его в живых.

Ханна задумалась.

– А этот Йонни, он как? Полагаю, здорово убивается?

Прежде чем продолжать, Виктор слегка помялся, по-видимому взвешивая все «за» и «против». Затем, решившись, поднял на Ханну свои лучистые, цвета северного сияния, голубые глаза.

– Со вчерашнего вечера Йонни исчез.

В этот момент раздался стук в дверь.

Не дожидаясь разрешения, в кабинет заглянула какая-то женщина. Она не видела Ханну и обратилась прямо к Виктору:

– Læknirinn er kominn¹⁸.

Виктор кивнул. Удерживая дверь за ручку, женщина, будто впервые видя, придирчиво оглядела Ханну с ног до головы. Бог знает, кого она в ней увидела? Не первой свежести спившуюся писательницу, любовную соперницу, иностранку? Ханна также попыталась рассмотреть женщину. Ей показалось, что та увидела в ней нечто четвертое. Вот только что?

– Моя жена Маргрет.

Маргрет резко, почти по-военному, выбросила руку вперед для приветствия. Ханна приняла ее ладонь в свою, рука у Маргрет оказалась нежной и в то же время твердой. Как морда только что родившегося теленка.

– Ханна.

Маргрет слегка пожала ладонь Ханна. Сестринское приветствие или же какое-то предупреждение? Ханна внимательно рассматривала Маргрет. Да, с женой Виктору явно повезло.

---

¹⁸ Доктор прибыл (исл.).

Маргрет едва ли могла появиться на обложке какого-то модного журнала – для этого она была не слишком броской и слегка угловатой. К счастью. Ханне был ненавистен господствующий ныне идеал женщины, эдакой «фу-ты ну-ты сладенькой дерзкой красотки», когда худеньким женщинам с огромной грудью и чрезмерным макияжем воспевают дифирамбы за поедание ими низкоуглеводных булочек и следование моде до и после родов. Маргрет была другой. Темные волосы, заплетенные в спускающуюся по спине толстую косу, высокие скулы, обрамляющие яркие карие глаза, взгляд которых по своей требовательной настойчивости в точности повторял взгляд Ханны. Маргрет была высокой, хотя и несколькими сантиметрами ниже Ханны, тело ее выглядело сильным и гибким, как будто состоящим из постоянно переливающейся вулканической лавы.

– Извини, но теперь мне надо идти, да и тебе тоже пора.

Виктор снова сделал жест, свидетельствующий, что ее визит закончен, однако Ханна никак не могла упустить возможность встретиться с врачом, которому предстояло производить вскрытие тела. С присущей ей изобретательностью она сделала вид, что готова на компромисс:

– Могу я воспользоваться вашим туалетом? Мне действительно очень, очень нужно.

Черт! Ханна огляделась. Выдержанная в кремовых тонах ванная комната, крючки с фигурками диснеевских персонажей, на которых висят детские полотенца с капюшонами, красный пластиковый табурет наполовину задвинут под умывальник. Она облокотилась на подоконник и взглянула в окно. Вот дерьмо! План был вовсе не таков. Ее проводили в туалет, так и не представив предварительно врачу. Виктор и доктор прыгнули в автомобиль и покатали в сторону дома Тора. Ханна задумалась. Ей нужно во что бы то ни стало держаться на шаг впереди всех в расследовании, получить те сведения, которыми еще не обладает Виктор. Сделать его зависимым от нее. Так и не воспользовавшись туалетом, она спустила воду, открыла и закрыла кран раковины и вышла. На кухне она обнаружила Маргрет, та сидела на кухонном столе и курила сигарету, выпуская дым в открытое окно. Вокруг нее в беспорядке громоздилась грязная детская посуда, по-видимому, оставшаяся после обеда, на полу лежала изготовленная из дерева, сломанная железная дорога.

– Прекрасно знаю, что мне не следует курить – рак легких у детей и все такое. Но это единственное удовольствие, которое я себе позволяю.

Маргрет сделала глубокую затяжку и выдохнула, наполнив кухню облаком табачного дыма. Ханна снова посмотрела на нее. Совсем не похожа на исландскую версию Мэри Поппинс. Скорее какой-то персонаж из фильма режиссеров французской новой волны. Не Годара, нет. Она выглядела в гораздо большей степени утомленной суровой повседневностью жизни. Быть может, Трюффо. Да-да, она вполне могла быть героиней фильма Трюффо «Женщина напро-тив»¹⁹.

– Можно мне тоже?

Ханна показала на пачку сигарет. Маргрет слегка удивленно кивнула, но тут же улыбнулась, как будто была довольна, что не придется грешить в одиночку. Ханна прикурила и облокотилась о переплет окна.

– Ну и как же тебя угораздило стать няней?

– А почему бы и нет?

Ханну поразил моментальный ответ. Что ж, ладно. Почему бы и нет? Вот так, просто. Почему бы и нет?

– Могла выбирать: либо это, либо работа в баре.

– Я бы, наверное, предпочла работать в баре.

---

¹⁹ Жан-Люк Годар (р. 1930) и Франсуа Трюффо (1932–1984) – французские кинорежиссеры, актеры, сценаристы и кинокритики, стоявшие у истоков французской новой волны в кинематографе. Вероятно, имеется в виду фильм Ф. Трюффо «Соседка» (*La Femme d'à côté*).

– Может, у тебя алкоголизм?

Маргрет прямо, без тени иронии посмотрела в глаза Ханне. Ханна внезапно ощутила странную потребность быть искренней с этой незнакомой женщиной – да и с самой собой.

– Вообще-то да, что есть то есть.

– Ну и что, чувствуешь себя от этого счастливее?

Ханна на мгновение задумалась.

– Ненадолго.

Маргрет кивнула, как будто прекрасно понимала, что в этом нет ничего необычного или постыдного. Она взглянула в окно, как будто стараясь высмотреть что-то вполне определенное. Похоже, так и не увидела.

– Ужасно жаль Тора.

Ханна сделала глубокую затяжку и насторожилась.

– Ты хорошо его знала?

Маргрет неопределенно пожала плечами, что могло означать как «да», так и «нет», потушила сигарету и прикрыла окно. У Ханны возникло такое чувство, будто хозяйка дома что-то недоговаривает.

Ханна увидела, что Маргрет начала очищать посуду от остатков еды и складывать ее в посудомоечную машину.

– Мне нужно немного убраться, пока дети не проснулись.

Ханна тоже потушила сигарету.

– Извини, не хочу больше отнимать у тебя время. Я только хотела кое о чем спросить: ты знаешь, где живет Йонни?

Женщина-вулкан повернулась к ней:

– Не стоит тебе соваться во все это. У нас в деревне есть свои тайны, которые лучше оставить в покое.

Ханна почувствовала, что прямо сейчас умрет от любопытства.

– Что ты имеешь в виду?

Маргрет сделала вид, что очень занята – отскребает остатки еды от тарелки, которую еще надо было сполоснуть в мойке.

– Мне действительно нужно поскорее это закончить.

– Но у тебя ведь есть адрес Йонни?

Маргрет на мгновение прервала свое занятие:

– Говорю же тебе, будешь совать свой нос куда не надо, его тебе просто-напросто отрежут.

Но унять Ханну было нелегко:

– Уверена, он снова отрастет. И все же будь так добра, скажи, где живет Йонни?

12

Ханна шла по проселочной дороге. Как же все это странно! Такая располагающая к себе поначалу открытость Маргрет, которая затем сменилась угрюмой замкнутостью. Тайны и предостережения. Что же такое она недоговаривает?

И все же Ханне удалось выяснить адрес Йонни. Оказалось, это всего в нескольких сотнях метров от полицейского участка, то есть от дома Виктора и Маргрет. Ханна посмотрела вверх – вдалеке сиял Ватнайёкюдль, крупнейший в Исландии глетчер²⁰, местная достопримечательность и место паломничества туристов. У самой Ханны не было намерений его посещать: ей не нравился снег, а в особенности снег спрессованный, который никогда не тает. Да и вообще снег стал заложником рождественской коммерческой индустрии. Им, как каким-то магическим порошком, посыпают все на свете, чтобы повсюду установились пуси-муси-мир-и-благодарить. Но все это лишь иллюзия. Мир в Рождество не делается лучше оттого, что становится белым, да и настоящий снег бывает либо грязным, либо убийцей. Это даже хорошо, что вечная мерзлота потихоньку тает – глядишь, мы от нее и совсем избавимся. Нет, разумеется, она это не всерьез. Просто ей совсем не улыбается лезть вверх и ковылять по колено в снегу по этому говенному глетчеру. Спрессованный снег – все равно что спрессованная ложная идиллия. Под этим ледником должно находиться несколько вулканов. Интересно, что бы произошло, если бы один из них начал извергаться и растопил весь глетчер? Ушла бы Исландия под воду?

Звонок мобильного оторвал Ханну от ее мыслей. Порывшись в кармане, она достала трубку:

– Это Ханна.

– Рад тебя слышать. С тобой все в порядке?

Голос Бастиана звучал встревоженно.

– А что должно быть не в порядке?

– Я получил от тебя послание по электронной почте. Что ты хочешь вернуться. У меня был плотный день, так что письмо увидел только сейчас. Ты добралась в аэропорт?

Ах да, письмо Бастиану о том, что не может писать детектив, и о планах возвращения.

– Я все еще здесь и думаю, что задержусь. Произошло убийство.

– Что ты говоришь? Убийство?

Бастиан ненадолго умолк.

– Но ведь это же не ты его совершила?

Ханна усмехнулась. Не стоило упрекать его за подобного рода мысли.

– Ну почему же? Я зарезала Эллу хлебным ножом, пока она спала, и сейчас нахожусь под стражей.

Бастиан облегченно вздохнул.

– А если серьезно? Кто убит и как? Ты уверена, что это хорошая идея остаться, когда где-то там бродит убийца?

– Жертва юноша, Тор, племянник Эллы. Жуткая трагедия. Он утонул.

– Утонул? Но полиция считает, что это убийство?

В голосе Бастиана в равных долях звучали скепсис и любопытство.

– Да что ты все – полиция, полиция... Местный инспектор Виктор подозревает, что произошло преступление, и я знаю, что это так и есть.

– Может, ты новый инспектор Морс?²¹

---

²⁰ ледник

²¹ Инспектор Морс – герой 13-ти детективных романов британского писателя Колина Декстера, а также телевизионного сериала, снятого с 1987-го по 2000 год.

– Мне кажется, я больше похожа на Джессику Флетчер²².

Молчание.

– Ну, из этого детективного сериала «Она видела убийство»²³.

– Ага! Так ты, может, видела убийство?

– Дело вовсе не в том, что я видела момент убийства. Речь о том, чтобы собрать доказательства, которые укажут на убийцу.

Ханна почувствовала, что Бастиан улыбается.

– Должен сказать, я слегка удивлен, что тебе вздумалось разыгрывать из себя крутого сыщика. Хотя с точки зрения написания детективного романа это, пожалуй, не так уж и плохо.

Бастиан выдержал искусственную паузу.

– Ведь тебе же это нужно для вдохновения, не так ли?

Ханна на какое-то мгновение задумалась.

– Честно говоря, прямо сейчас я еще не знаю, как мне это использовать. Прежде всего я просто хочу помочь выяснить, что же на самом деле произошло. В том числе и ради Эллы.

– Да в тебе никак человеколюбие проснулось?

– Может, так оно и есть.

Ханна удивлялась самой себе. Так уж прямо и человеколюбие. На самом деле она ощущала жгучее любопытство.

– В конечном счете не имеет особого значения, что именно меня здесь так заинтересовало. Если не считать всего остального, я еще никогда в жизни не была так близка к разработке интриги. Получается, для написания проклятого детектива это, что-то да значит.

– А-а, стало быть, детективный проект все еще жив?

– Жив, жив... Я бы скорее сказала, у него появились чуть лучшие шансы появиться на свет.

– Ханна, пообещай мне, что будешь осторожна. Я говорю вполне серьезно: не вздумай соваться в то, что не можешь контролировать. Не подвергай себя опасности.

– Вся моя карьера грозит разлететься вдребезги. Что в жизни может быть опаснее?

Бастиан вздохнул.

– Хорошо. Но на всякий случай будь готова к реакции прессы. Я, конечно, попытаюсь оградить их от всякой информации по данному поводу. Но будь уверена, все сразу завертится, стоит лишь кому-то узнать, что во время своего, так сказать, криминального отпуска ты участвуешь в расследовании убийства.

– Отпуска?

Ничего больше Ханна сказать не успела, поскольку связь рухнула. Она убрала телефон и посмотрела вверх на Ватнайёкюдль. Похоже, глетчер спустился чуть ниже по склону горы.

После короткого нажатия на звонок дверь открыла одетая в исландский свитер женщина с черными кругами под глазами.

– Добрый день, меня зовут Ханна, я гощу у Эллы и хотела бы... Ну, в общем...

Женщина смотрела на нее. Выжидающе. Ни о какой помощи, сглаживании неловкой ситуации не могло быть и речи.

– Я просто хотела передать Йонни письмо. От Эллы. Она написала несколько слов утешения и хотела бы пригласить Йонни на чашку чая. Чтобы поговорить о том, что произошло.

Ханна достала письмо, пытаясь унять дрожь в руках. Женщина взглянула на послание. Черт! Ханна отчаянно надеялась, что она не возьмет его и не станет читать. В противном случае

---

²² Джессика Флетчер – главный персонаж американского сериала «Она написала убийство» – 12 сезонов с 1984-го по 1997 год.

²³ Ошибка автора: сериал имеет название «Она написала убийство» (The murder she wrote).

она увидит, что письмо вовсе не от Эллы, а от нее самой, от Ханны. И это вовсе не приглашение на чай и скорбную беседу, а горячая просьба встретиться и поговорить с ней о дружбе Йонни с Тором. В глазах у женщины сквозило недоверие.

– Ведь у Эллы есть телефон. Если она хотела поговорить с Йонни, она могла просто позвонить.

Женщина попыталась закрыть дверь, но Ханне удалось вставить носок сапога в щель между косяком и дверью.

– Я знаю, что Йонни исчез. Так что Элле невозможно было взять и позвонить ему.

Дверь немного приоткрылась.

– А откуда ты знаешь, что Йонни исчез?

Женщина с подозрением посмотрела на Ханну.

– Я тут побывала у Тора. На церемонии прощания.

Во взгляде женщины промелькнул страх.

– Выходит, все знают?

Она явно боялась, что вся деревня будет подозревать, будто сын ее каким-то образом причастен к смерти Тора. Что ж, вполне оправданный страх. Желая успокоить ее, Ханна покачала головой:

– Я говорила с Виктором, инспектором. Это он рассказал мне. Думаю, никто другой не знает, что Йонни пропал.

Ханна была не совсем уверена, что это так, однако надеялась своими заверениями хоть немного склонить женщину на свою сторону. Настолько, что она хотя бы передаст письмо Йонни. Если он появится дома. Ее стратегия сработала. Немного подумав, женщина в свитере протянула руку и взяла письмо, к счастью, не сделав попытки его распечатать.

– Я передам его сыну, когда он вернется.

Ее спокойная уверенность поразила Ханну.

– Когда?.. Что, он часто исчезает?

Женщина не ответила, однако Ханна по ее виду поняла, что это случается часто.

– А куда он отправляется и что он делает?

– Мне пора идти.

Женщина захлопнула дверь перед носом Ханны, так и не попрощавшись.

13

Хочется есть. Ханна посмотрела на часы. 14.48. За весь сегодняшний день у нее еще не было во рту и маковой росинки, а с учетом всех этих событий казалось, что она уже несколько дней голодает. Кроме того, она не представляла себе, каким образом продолжать свое расследование: следовало обязательно осмотреть место, где было найдено тело Тора, однако она не имела ни малейшего понятия, где это место находилось. А уже совсем скоро наступят сумерки. И тут она наконец сообразила, где, по всей видимости, можно найти и еду, и новую информацию – «Браггин».

Практически заученным движением она забралась на высокий стул. Угол бара все так же занимала тихая компания бывших рыбаков, однако Ханна не была уверена, те же это люди, что были здесь в прошлый раз, или другие. Ей вдруг стало неловко: глядя на них, она видит не отдельных индивидуумов, а лишь сгусток человеческой печали. Она осмотрелась в поисках своего вчерашнего поклонника – деревенского дурачка, который привел ее сюда днем ранее, однако ни его, ни женщины с собакой в баре не было. А вот бармена она увидела сразу. Он был похож на страстного фаната стиля хеви-метал или же на серийного убийцу, а может, одновременно на обоих. На вид ему было лет сорок, однако вполне могло быть и на десяток лет меньше – алкоголь и слабое здоровье способны удивительным образом прибавлять и убавлять прожитые годы. Так что, скорее всего, ему было где-то около тридцати пяти. Длинные до плеч черные волосы были зачесаны назад, собраны в хвост и блестели, однако не потому, что нуждались в мытье, – они были «засалены», то есть натерты воском. Поверх футболки с эмблемой «Айрон Мэйден» застегнутый на все пуговицы кожаный жилет вел неравный поединок с выпирающим из него пивным животом.

– Минералка или виски с колой?

Стало быть, металлист узнал ее и даже помнит, что в зависимости от присутствия или отсутствия полиции она либо обходится водой, либо пьет кое-что покрепче. Ханне очень хотелось выпить, но она сочла крайне предосудительным делать это даже не позавтракав, поэтому она взяла меню. Похоже, его здесь не обновляли с конца восьмидесятых – это касалось как самого меню, так и перечня указанных в нем блюд. Делая свой выбор, Ханна попыталась соблюсти баланс между алкоголем и безалкогольными напитками, а также между известными блюдами и местной кулинарной экзотикой.

– Я бы хотела заказать кофе с виски, а также несколько тостов и копченый овечий сыр.

Бармен кивнул, быстро и с профессиональной ловкостью водрузил на стойку кофе с виски и исчез за распашной дверью, а пару минут спустя вновь материализовался оттуда с тарелкой хлеба и сыра в руке. Оказывается, металлист был барменом и поваром в одном лице. Ханна мельком взглянула на еду, которая выглядела удивительно привлекательно на вид и даже была слегка украшена красным перцем. Чувствуя зверский аппетит, она торопливо схватила тарелку.

– Просто настоящая трагедия – то, что случилось с этим парнем, Тором, не находишь?

Она постаралась, чтобы вопрос прозвучал достаточно равнодушно, и проглотила последний кусочек овечьего сыра.

Бармен кивнул.

– Ужасно. Такой хороший парень.

– Ты его знал?

Кожаный Жилет пожал плечами.

– Я знал, кем он был. Но здесь он не зависал, если ты это имеешь в виду.

– Он что, совсем не пил?

– Думаю, все молодые люди в деревне время от времени выпивают – развлечений-то у нас здесь, прямо скажем, не так уж много. Просто в выходные он никогда не появлялся здесь с прочей молодежью.

– Но он ведь вроде был довольно популярной личностью. Я видела, как он вчера вечером играл в футбол.

– Ну да, был... Как я и говорил, вообще-то я его не знал, вот только говорят, он был другим.

– Что значит другим?

Кожаный Жилет снова как-то неопределенно пожал плечами. Ханна поняла, что таким образом от него ничего не добьется.

– В курсе, где его нашли?

Ханна старательно скрывала свой интерес за небрежным тоном.

– У воды. Чуть южнее гавани.

– Южнее?

Ханна попыталась оживить в памяти план деревни – ведь она же его видела и должна помнить.

– Это рядом с рыбацкими лодками?

Отрицательный взмах покрытого воском хвоста.

– Нет, рядом там, собственно говоря, нет ничего. На мой взгляд, весьма загадочное место.

Ханна сделала над собой усилие; чтобы не показать, насколько заинтригована, она взяла с тарелки последнюю корочку хлеба и принялась ее жевать.

– Что ты имеешь в виду?

Бармен развел руками, как будто снимая с себя всякую ответственность.

– Просто странно. Я имею в виду, что ему там было делать? Там ничего нет – один лишь сырой луг.

– А может, его труп прибило туда. К примеру, с моря.

– Не думаю. Тогда бы он должен был проплыть через шлюз, а это сложно, да к тому же у входа практически нет течения. Зато там много лодок, и невозможно себе представить, чтобы никто его не заметил.

Ханна кивнула.

– Я слышала, его нашел отец. Ты не знаешь, он специально отправился на поиски?

– Вероятно. Иначе как бы он там оказался?

Ханна снова кивнула – хороший вопрос. Бармен тем временем повернулся к вновь прибывшему клиенту – даме с собакой. Они заговорили, и до Ханны долетело несколько слов, в беседе опять прозвучало имя Тора. Эта смерть заставила говорить о себе всю деревню. Ханна сделала большой глоток кофе с виски, ощутила, как алкоголь наполняет все ее тело, почувствовала себя легкой, легкой, легкой. Ей захотелось поддаться этому чувству, выпить еще с десятков чашек этого волшебного напитка, захотелось прекратить думать. Слишком много вопросов, на которые нет ответов, просто невозможно сложить воедино все фрагменты этой головоломки. Да и не ее это дело. Ее дело – написать детектив, а она тут суетится и теряет зря время в поисках возможного убийцы. Который, вполне вероятно, существует лишь у нее в голове, как плод больного воображения. А что? В этом действительно есть смысл. Вчера вечером Тор играл в футбол. После этого они с друзьями пропустили по паре пива. По дороге домой он, пьяный, свалился в воду, его отец, встревоженный тем, что сын не вернулся, отправился на его поиски. Йонни, прослышав о гибели лучшего друга, пропал, как случилось уже не раз. Наверняка еще до вечера появится. А след удара за ухом, вероятно, появился, когда Тор упал в воду. Ханна вздохнула и допила свою чашку. Ей следует отправиться домой и продолжить писать как прежде, фантазируя о реальности, вместо того чтобы пытаться ее просчитать и получить

очередное разочарование из-за того, что все произошло случайно. Нет уж, лучше создавать убийство на словах, чем убеждаться, что его не было. Она достала кошелек, отсчитала нужную сумму, положила деньги на стойку, соскользнула со стула на пол. И внезапно замерла. Как понимать, что Тор был другим? Каким это другим? В тот момент дверь у нее за спиной с грохотом распахнулась и в бар ворвался молодой рыбак. Куртка на нем развевалась, глаза сверкали.

– Jonni er inni hjá Þór. Hann er með haglabyssu!

Все бывшие в помещении застыли, женщина с собакой уронила свой стакан. Ханна в испуге обернулась к бармену:

– Что там случилось?

– Йонни в доме Тора, у него дробовик!

14

Никогда еще Ханна не видела, чтобы Кожаный Жилет двигался так быстро. Сама она оставалась самой трезвой среди посетителей и потому успела вскочить вместе с Кожаным Жилетом в его автомобиль, припаркованный тут же у бара. Ремень безопасности заело, он накидывался лишь на правое плечо, так что она была вынуждена вцепиться обеими руками в ручку на потолке салона. Бармен неслия сквозь деревню, не разбирая дороги, как будто на съемках фильма в стиле «экшн». Они долетели до нужного дома за пару минут, и Кожаный Жилет выпрыгнул из автомобиля. Ханна отчаянно сражалась с ремнем – зараза такая, он никак не хотел открываться! Отнюдь не грациозно скорчившись, она перебралась на соседнее сиденье и, чуть не выпав из машины, догнала водителя у самых дверей. Он принялся что было сил трезвонить в дверной звонок. Ханна с ошеломленным видом следила за его действиями.

– Не находишь, что довольно невежливо вот так врваться в дом?

– Это чрезвычайная ситуация!

Сердце Ханны чуть не выпрыгивало из груди, она переминалась с ноги на ногу, внутри все напряглось. Она взялась за дверную ручку, посмотрела на спутника и, дождавшись от него одобрительного кивка, распахнула дверь. На мгновение затаив дыхание, она прислушалась: крики молодого человека, ответы какого-то старика, женский плач... Новоявленная парочка спасателей поспешила в комнату. Там какой-то худой юноша в джинсах и майке, но босиком, рыдая, целился из охотничьего ружья в лоб отцу Тора. Виктор и судмедэксперт обращались к нему, очевидно, пытаясь о чем-то договориться. Мать Тора сидела спрятав лицо в ладони. Элла на манер щита заслоняла ее своим тщедушным телом и внимательно следила за развитием ситуации. Остальные собравшиеся потихоньку хныкали и причитали.

– Jonni, slepptu byssunni!²⁴

Ханна с удивлением взглянула на своего спутника. Она и не подозревала, что голос его может звучать столь авторитетно. Вероятно, он привык перекрикивать пьяных, а может, даже разнимать драки и имел определенный опыт в разлулировании потенциально опасных ситуаций. Все в комнате обернулись и уставились на Кожаного Жилета и Ханну. Ей сейчас больше всего хотелось стать невидимой. К бармену же было приковано общее внимание еще и потому, что теперь ствол ружья смотрел прямо на него. У юноши, который по предположению Ханны и был Йонни, взгляд был явно испуганный.

– Slepptu byssunni. Petta endar ekki vel.

– Það er honum að kenna að Þór er dáinn²⁵.

Ханна переводила взгляд с бармена – прядь «засаленных» волос выбилась из хвоста и прилипла ко лбу – на Йонни, сиюсь понять незнакомые слова или, по меньшей мере, уловить их общий смысл. Юноша был по-прежнему крайне возбужден, он снова нацелил ружье на Эгира. Указывал на него или угрожал? Ханна напряглась всем телом, как поросенок на бойне, ей даже стало как-то нехорошо – перехватило дыхание. Она постаралась сделать медленный вдох, потом выдох. Все это беззвучно. Нашла глазами визуальный контакт с Виктором, вид у него был растерянный – наверняка ему впервые приходилось присутствовать при взятии заложников. Если, конечно, это можно было так назвать. Ей показалось, что во взгляде Виктора, направленном на бармена, мелькнуло облегчение, когда тот уверенно шагнул к Йонни и протянул к нему руку. Как к какому-то пьяному завсегдатаю, которому надо помочь добраться до дома и завалиться в постель. При этом он не произнес ни слова – по-видимому, слова в таких ситуациях были неуместны. Когда он положил свою широкую мужскую ладонь на руку Йонни,

²⁴ Йонни, опусти ружье! (исл.).

²⁵ – Опусти ружье. Это добром не кончится. – Это его вина, что Тор мертв (исл.).

все в комнате замерли. Вигдис встревоженно наблюдала за происходящим, слегка раздвинув пальцы. Йонни начал медленно опускать руки, теперь ствол ружья смотрел человеку-статуе в живот. Стоящие рядом совсем уже было перевели дух, как вдруг руки Йонни застыли, а сам он пристально посмотрел в глаза Эгиру.

– Раð varst þú sem drapst hann²⁶.

Сказав это, он нажал на курок, однако вместо гулкового, раскатистого выстрела раздался лишь сухой, еле слышный щелчок. Ружье было не заряжено. Вигдис вскрикнула. Йонни наконец-то отшвырнул дробовик и осел на пол, как осужденный к смертной казни, который в последний момент сумел избежать виселицы. Кожаный Жилет наклонился и приобнял Йонни, который сидел на полу, безучастно глядя на тело Тора, так что даже неясно было, видит он его или нет. Виктор надел на юношу наручники, гости стали понемногу расходиться. И в их числе Ханна, которая подошла к Элле, все еще глядя на помост, как будто не решаясь повернуться к нему спиной.

– Ты как, в порядке?

Краем глаза Ханна заметила, как Виктор вывел Йонни из комнаты, а по пятам за ними плелся бармен, как будто в его задачу входило проследить за задержанием. Ханна развернулась к Элле, которая все еще закрывала своим телом Вигдис, как ребенка, которого надо защитить от града падающих бомб. Вигдис осторожно высвободилась из ее нежных объятий, подошла к мужу и обняла его с такой силой, что, казалось, человек-статуя сейчас раскрошится. Элла наблюдала за ними. Во взгляде ее не было ни теплоты, ни облегчения – скорее какая-то мрачная задумчивость. Может, ей не хватало кого-то, кого бы она могла защищать своей любовью?

– Ты как, в порядке?

Ханна повторила свой вопрос. Элла встряхнулась, будто стараясь обнулить ситуацию, и кивнула.

---

²⁶ Это ты его убил (исл.).

15

Кофе был горячим и угольно-черным. Ханна разлила дымящийся напиток по чашкам, а Элла тем временем достала из шкафа печенье. Они сидели на кухне, по дороге домой женщины молчали, у обеих просто не было слов, чтобы описать случившееся. Они ушли почти сразу после задержания Йонни, только немного помогли убрать посуду и поставить на место столы после того, как толпа пришедших выразить соболезнование друзей и родных понемногу рассосалась, как пороховой дым после выстрела из пушки. Ни у кого больше не было желания общаться со скорбящими родителями, или же, скорее, всем нужно было поскорее попасть домой и обсудить то, что произошло.

Поскольку обычно самыми тяжкими преступлениями в деревне были кража ящиков с пивом и угон мопеда, драматические события сегодняшнего дня, по мнению Ханны, должны были поставить всю здешнюю жизнь с ног на голову. То, что виделось одним, на деле оказывалось совсем другим. Ханна раздумывала над тем, чтобы сходить к Виктору и поучаствовать в допросе Йонни, однако никак не могла придумать подходящего повода. Кто знает, удалось ли судебному медику осмотреть тело Тора? По всей видимости, нет – он ведь по-прежнему лежал посреди комнаты, и они, прежде чем приступить к вскрытию, наверняка дожидались окончания церемонии. Однако тут их прервало вторжение Йонни с ружьем.

– Что он сказал Эгиру?

Ханна вопросительно посмотрела на Эллу, по виду которой стало ясно, что она не понимает. Ханна пояснила:

– Йонни. Почему он был так зол на отца Тора?

Элла пожала плечами и сделала глоток кофе.

– Я ошибаюсь или мне показалось, что он обвинил Эгира, будто тот причастен к смерти Тора?

Чуть помедлив, Элла взялась за листок и ручку:

– Он в шоке от случившегося, как и все мы.

– Но ведь никто, кроме него, не стал стрелять из ружья. Думаешь, он что-то знает?

Элла опять пожала плечами. Похоже, она не строила никаких теорий по поводу возможного преступления, его мотивов и вероятных подозреваемых. Вообще-то это было вполне понятно. Ханна не смогла сдержаться и снова задала своей квартирной хозяйке неудобный вопрос:

– Может, Йонни и Эгир не слишком-то ладили между собой?

Элла прямо взглянула на Ханну, как-то неопределенно улыбнулась и снова принялась писать:

– Это еще мягко сказано!

– Что ты хочешь этим сказать?

Элла встала, взяла плед, укутала им свои худенькие плечи и нацарапала на листке:

– Мне нужно немного отдохнуть. Смерть раззидает старые кости.

Напоследок Ханна попыталась еще раз:

– Все из-за того, что Йонни был для Тора дурной компанией? Я имею в виду, учил его пить, возился с оружием да и вообще отличался буйным нравом?..

Элла черкнула буквально несколько слов:

– Что-то в этом роде.

Элла поднялась к себе наверх. Тяжелые шаги, тяжкий день... Ханна взяла листок с каракулями старушки. Что-то в этом роде. Как прикажете ее понимать?

Остров смерти.

Глава 1.

Ханна закурила, открыла окно – петли немного сопротивлялись, но вынуждены были все же сдаться под энергичным нажимом большого пальца. Она откинулась на спинку стула и выпустила струю дыма. День подходил к концу.

Блин! Нет, она не может назвать свой роман «Остров смерти». Чересчур уж банально. А какое заглавие дают детективам? Хмм. В названии должно быть что-то по поводу убийства, смерти или женщины. Или же какое-то существительное в единственном числе. Например, «Преступление», «Мост», «Адвокат». Нет, это скорее названия фильмов или сериалов. Нужно, чтобы все знали, что речь идет о детективе. В особенности коль скоро речь идет о ней – ведь ее имя не ассоциируется с остросюжетной литературой. Хорошо бы подобрать такое шокирующее словечко, чтобы люди с ходу заглотили наживку. Ладно. «Остров смерти» будет рабочим заглавием. Вот ведь дерьмо! Потребуется немало времени, чтобы выbleвать это! Она положила недокуренную сигарету в пепельницу, и та догорала сама по себе. Ханна покрутила головой и, разминая суставы, потрещала пальцами. Итак, вот он, величайший, лучший, быстрее всех написанный в мире триллер. Пусть говенный, но детектив.

Трава была зеленее, чем обычно в ноябре. Туре завязывал свои футбольные бутсы с особой аккуратностью, как будто делал это в последний раз. Он всегда их так завязывал – такова уж была его натура: делать все основательно и стремиться к совершенству. Это касалось не только шнурования бутс, но и жизни вообще. Чего он не знал, так это того, *что* он действительно в последний раз шнурует свои бутсы и что предстоящий футбольный матч с друзьями станет последним в его восемнадцатилетней жизни. *Он умрет еще до наступления утра.*

Ханна просмотрела написанное – что ж, не так уж и плохо! Во всяком случае, хоть какое-то начало. Она позволила себе выдумывать личность своего героя, списывая его портрет с Тора, поскольку, строго говоря, абсолютно его не знала. А узнать бы следовало. Она пометила в своем блокноте: «Каким был Тор» – и снова обратилась к клавиатуре. Детектив начался. Может, все-таки задача не такая уж непреодолимая? Добрых три часа Ханна писала, не отрывая глаз от экрана. Когда она наконец остановилась, пепельница была полна окурков, тьма давно уже вытеснила последние лучи дневного света, а в распахнутом настежь окне стоял столб холода. Поставив последнюю точку, Ханна шумно выдохнула, как будто только что пробежала марафонскую дистанцию. К своему удивлению, она чувствовала, что находится в хорошей форме. Она пролистнула весь текст – семь страниц. Ханна самодовольно усмехнулась. Захлопнув ноутбук, она прикрыла окно и приподняла со стула свое истерзанное писательское тело.

На нижнем этаже дома царили мрак и тишина. Ханна зажгла свет и поставила вариться кофе. В ожидании, пока вода пройдет через кофеварку, она рассеянно листала старые газеты. Каков следующий шаг? Да, она начала писать книгу, но ведь необходимо выяснить еще кое-что относительно совершенного преступления. Так она мысленно называла смерть Тора. Может, конечно, она и выдавала желаемое за действительное, но ведь нельзя исключать, что за всем этим действительно лежит преступление – во всяком случае, здесь много весьма загадочных обстоятельств. Почему Тор, который боялся воды, все-таки спустился к морю, да еще после того, как выпил? Отец находит его, как будто заранее зная, что мертвый сын лежит в море. И почему Йонни обвинил Эгира, что тот виновен в смерти Тора? А что еще важнее, знал ли Йонни, разряжая в Эгира свое ружье, что оно не заряжено? Обвинят ли его в покушении на убийство? И, наконец, что все-таки покажет вскрытие тела Тора?

Ханна встряхнула головой и налила себе кофе. Ощутила, как тепло чашки согревает пальцы. Сделала крохотный глоток. Слишком много вопросов, на которые нет ответов. Единственное, что имеет хоть какой-то смысл, – это упорное нежелание Эгира, чтобы сын его общался с человеком, который может появиться на церемонии прощания с охотничьим ружьем. Ханну передернуло от одной только мысли, что ружье могло оказаться заряженным. А

если бы он застрелил Эгира, остановился бы он на этом или же перестрелял всех собравшихся? Включая ее саму. Ханна некоторое время сидела, прихлебывая кофе. Внезапно ей в голову пришла новая мысль. Место преступления! Как она могла забыть?! Драматические события, связанные с Йонни, совсем отвлекли ее внимание от чертова места преступления. А сейчас уже совсем темно и обследовать место преступления слишком поздно. Или нет? Ханна взглянула на часы – начало девятого. Ханна прикусила губу. Да, уже темно, однако фактически ночь еще не наступила. Она подхватила куртку, оставила кофе недопитым и, выходя из дома, забыла погасить за собой свет.

16

Ну, строго говоря, если на улице так темно, значит, уже наступила ночь. Поеживаясь, Ханна осторожно ступила на мокрую травянистую пустошь. Она уже раскаивалась в том, что решилась на свой безрассудный поступок: окружавшая ее тьма была поистине беспроглядной. Представлялось совершенно невозможным осматривать что-либо в такой темноте, а кроме того, что уж греха таить, ей было попросту страшно. Ну, во всяком случае, чуть-чуть. Она надеялась хоть на какое-то подобие света – может, какой-нибудь фонарь на мачте или отблеск огней со стороны деревни. Вместо этого, к ее глубокому разочарованию, Ханне пришлось довольствоваться лишь слабым лучиком фонарика ее мобильного телефона. Чувствуя себя во всех отношениях круглой идиоткой, она совсем уже было решила вернуться к горячему кофе в уютный дом Эллы, как вдруг почувствовала, что на плечо ей легла чья-то рука. С губ ее сорвался крик ужаса, неловко шагнув в сторону в попытке уйти от лежащей на плече руки, Ханна оступилась в скрытой травой луже, крутанулась на одной ноге и шлепнулась в жидкую слякоть. Дрожащий лучик фонарика мобильного телефона выхватил из тьмы фигуру человека. Если уж ей суждено умереть, она хотела бы, по крайней мере, знать, кто ее убийца. Над ней, смущенно улыбаясь, как будто они столкнулись у туалета в «Браггине», стоял ее недавний знакомый – бездомный любитель поцелуев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.